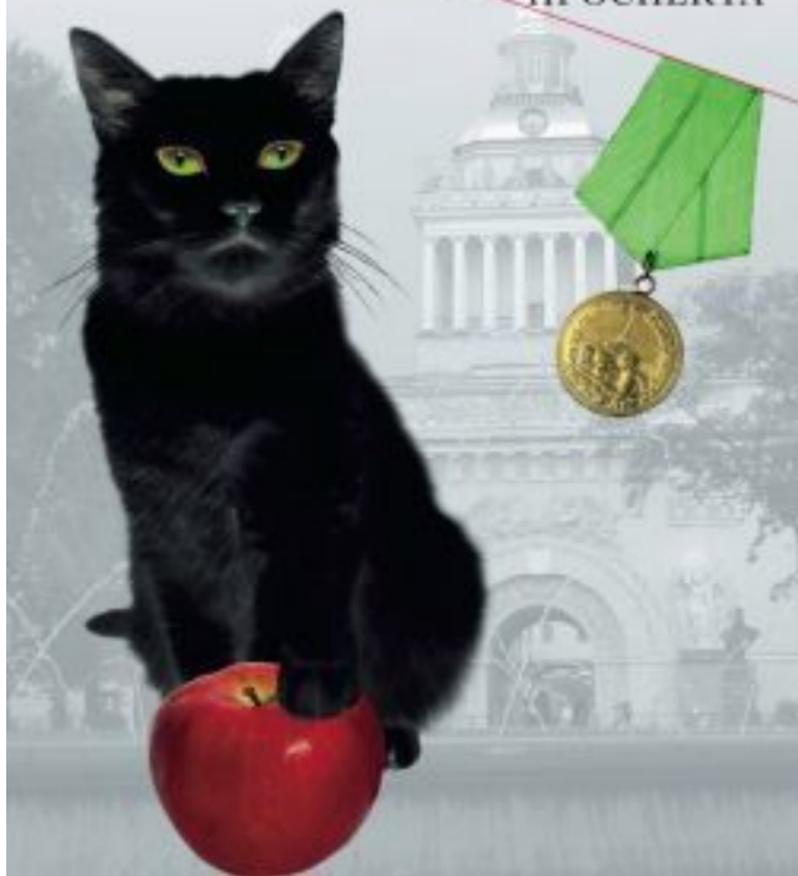

МИХАИЛ ВЕЛЛЕР

ЛЕГЕНДЫ
НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА

Михаил Иосифович Веллер

Легенды Невского проспекта

(сборник рассказов)

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144464
Михаил Веллер Легенды Невского проспекта: АСТ, АСТ Москва,
Харвест; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-050459-6, 978-5-9713-7365-0, 978-985-16-4184-6

Аннотация

Эта книга – самое смешное (хотя не всегда самое веселое) произведение последнего десятилетия. Потрясающая легкость иронического стиля и соединения сарказма с ностальгией сделали «Легенды Невского проспекта» поистине национальным бестселлером. Невероятные истории из нашего недавнего прошлого, рассказанные мастером, все чаще воспринимаются не как фантазии писателя, но словно превращаются в известную многим реальность.

В сборник вошли циклы рассказов «Саги о героях», "Легенды «Сайгона» и "Байки «Скорой помощи».

Содержание

Саги о героях	7
Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме	7
Бляйшице	
1. Интеллигентик	7
2. Открытие	11
3. Начало	17
4. Бомбардир	21
5. Бросай крючь	24
6. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью	27
7. Шляпа	29
8. Зэк	36
9. Любовь	39
10. Венец и конец	40
Марина	46
1. Девочка легкого поведения	46
2. Влипла	48
3. В борделе	50
4. Иностранцы	51
5. Болт	56
6. Левер понч	61
7. Ее университеты	68
8. Джорджи	74
9. Пожар в Европе	76

10. Куртизанка КГБ	81
11. Шейх в «Мерседесе»	84
Легенда о стажере	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Михаил Веллер

Легенды Невского проспекта

Первая и славнейшая из улиц Российской империи, улица-символ, знак столичной касты, чье столичье – не в дутом декрете, но в глубинном и упрямом причастии духу и славе истории, – Невский проспект, царева першпектива, игольный луч в сердце государевом, и прочие всякие красивые и высокие слова, – Невский проспект, сам по себе уже родина, государство и судьба, куда выходят в семнадцать приобщиться чего-то такого, что может быть только здесь, навести продуманный лоск на щенячью угловатость, как денди лондонский одет и наконец увидел свет, где пронизательность швейцаров и проституток разом отбила бы у Рентгена мысль о своих кустарных и малодостоверных лучах, и синие гусары в топот копыт по торцам, и Зимний окружен броневиками Шкловского, эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна, и Фека королевствовал из одноименного кабака, пока не трахнул в зазнайстве дипломатову родственницу, за что и был илепнут, Невский, чьи бессрочные полпреды прошивыриваются по нему в ностальгических снах своих от Парижа до Кейптауна и Каракаса, усвоить моду и манеру, познакомиться, светский андеграунд,

кино – театр – магазин – новости – связи – товар – деньги – товар – лица и прочие части тела, кофе и колесико, джиги и игла, – – – короче, Невский, естественно, имеет собственный язык, собственный закон, собственную историю (что отнюдь не есть вовсе то, что общедоступная история Санкт-Петербурга и Ленинграда), собственных подданных и собственный фольклор, как и подобает, разумеется, всякой мало-мальски приличной стране.

Фольклор сей, как и всякий, хранится старожилками и шлифуется остроумцами, метит в канон и осыпается в Лету. Как и всякий, случается он затейлив, циничен, сентиментален и смешон.

Когда-то я тоже жил на Невском и был с него родом.

Саги о героях

Легенда о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице

1. Интеллигентик

В одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем годе, как известно, Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке, и сорока лет ему для этой акции уж никак не требовалось. И составлялись уже по домоуправлениям списки, и ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры, и сердобольные соседи в коммуналках делили втихаря еврейскую мебелишку, которую те с собой уволочь не смогут, и громыхал по городу Питеру трамвай с самодельным по красному боку лозунгом «Русский, бери хворостину, гони жида в Палестину». И евреям, естественно, все это весьма действовало на нервы и заставляло лишний раз задуматься о превратностях судьбы, скоротечности земного бытия и смысле жизни.

В двадцать два года людям вообще свойственно задумы-

ваться о смысле жизни. Студент Кораблестроительного института, Ефим Бляйшиц писал диплом и отстраненно, как не о себе, соображал, удастся ли ему вообще закончить институт – может быть, заочно? – и как насчет работы кораблестроителя в Приморье. Амур, Тихий океан... да ничего, жить можно. Жил он, кстати, на Восьмой линии Васильевского острова, в комнатухе со старенькой мамой. Мама, как и полагается маме, в силу возраста, опыта и материнской любви, смотрела на разворачивающуюся перспективу более мрачно и безнадежно, чем сын, и плакала в его отсутствие. Друг же друга они убеждали, что все к лучшему, жить и вправду лучше среди своего народа, и в Биробиджане, слава Богу, никто их уже не сможет обижать по пятому пункту; а может, все и обойдется.

Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде. Фима нарвался тоже раз вечером в метро, несколько крепких подвыпивших ребятишек споро накидали ему по ушам, выдав характеристики проклятому еврейскому племени, и, обгаженный с ног до головы и насквозь, на темном тротуаре подле урны он подобрал окурочок подлиннее и, не решаясь ни у кого попросить прикурить, выглотал колючий дым ночью в сортире; кривая карусель в голове несла проклятия и клятвы. Мама проснулась беззвучно, почувствовала запах табака и ничего не сказала.

Будучи человеком действия, наавтра Фима совершил два поступка: купил пачку папирос «Север», бывший «Норд», и пошел записываться в институтскую секцию бокса.

– Куришь? – спросил тренер, перемалывая звуки стальными зубами.

– Нет, – ответил Фима. – Случайность.

– Сколько лет?

– Двадцать два.

– Стар, – с неким издевательским сочувствием отказал тренер, хотя для прихода в бокс Фима и верно был безусловно стар.

– Хоть немного, – с интеллигентской нетвердостью попросил Фима.

– Мест все равно нет, – сказал тренер и брезгливо усмехнулся глазами в безбровых шрамоватых складках. – Но попробовать... Саша! поди сюда. Покажи новичку бокс. Понял? Только смотри, не очень, – сказал им вслед не то, что слышалось в голосе.

– Раздевайся, – сказал Саша и кинул Фиме перчатки.

Стыдясь мятых трусов и бело-голубой своей щуплости, Фима пролез за ним под канат на ринг, где вальсировал десяток институтских боксеров, и был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой, от заключительного удара в печень весь воздух из него вышел с тонким свистом.

– Вставай, вставай, – приказал спокойно тренер, – иди

умойся.

– Удар совсем не держит, – якобы оправдываясь, пояснил Саша.

– Иди работай дальше, – сказал ему тренер. И Фиме, растирающему до локтя кровь из носа: – Сам видишь, не твое. – Неприязненно: – Покалечат, потом отвечай за тебя.

Очки сидели на лице как-то странно, на улице он старался прятать в сторону лицо, дома в зеркало увидел, что его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью и прилег к щеке.

– На тренировке был, – пояснил он матери, и больше распросов не возникало.

Нос так и остался кривоватым, что довершило Фимин иудейский облик до полукарикатурного, «мечта антисемита».

В портфеле же он стал носить с тех пор молоток, поклявшись при надобности пустить его в ход; что, к счастью, не потребовалось.

Тем временем соседки на кухне травили мать тихо и въедливо, как мышь; об этом сын с матерью тоже, по молчаливому и обоим ясному уговору, не разговаривали.

Это неверно, когда думают, что евреям так уж всю историю и не везет. Потому что смерть Сталина в марте 53 была замечательным везением, вопрос о переселении отпал, врачи-убийцы как бы вместе со всей нацией были реабилитированы, и по утрам соседи на кухне стали здороваться и даже

обращаться со всяким мелким коммунальным сотрудничеством. И Фима благополучно получил диплом и был распределен на завод с окладом восемьсот рублей.

Но так и оставался, разумеется, маленьким затурканным евреем.

2. Открытие

Сначала появились стилиаги. Сначала – в очень небольшом количестве.

Пиджаки они носили короткие, а брюки – легендарно узкие. Рубашки пестрые, а туфли – на толстой подошве. И стриглись под французскую польку, оставляя спереди кок; а лучших мужских парикмахерских было две: одна – в «Астории», а другая – на Желябова, рядом с Невским.

В милиции им норовили – обычно не сами милиционеры, а патриотичные народные дружинники – брюки распарывать, а коки состригать, о чем составлять акт и направлять его в деканат или на работу. Пресса рассматривала одевающихся так молодых людей как агентов ползучего империализма:

Иностранцы? Иностранки?
Нет! От пяток до бровей —
это местные поганки,
доморощенный Бродвей!

Затем прошел исторический XX Съезд Партии, была объявлена оттепель и чуть ли не свобода, и страху в жизни стало куда поменьше, а надежд и оптимизма куда побольше.

А еще через год состоялся впервые в Союзе Международный фестиваль молодежи и студентов, наперли толпы молодых со всего мира, и после этого (мы отслеживаем сейчас только одно из следствий, которое и вплетено нитью в нашу историю) стилиг стало хоть пруд пруди: представители прогрессивной молодежи западных, южных и восточных стран покидали гостеприимную Советскую Россию в туфлях на босу ногу, запахивая пиджачки на голых, без рубашек, грудях: гардероб оставался на память о дружбе и взаимопонимании их московским и ленинградским приятелям.

Стукачей участвовало в празднестве уж не меньше, чем иностранцев, и дружили только самые безоглядные и храбрые, – кроме специально выделенных для дружбы, разумеется, и проинструктированных, как именно надо дружить.

Фиму с его рожей никто дружить не уполномочивал; он и не дружил – опасался: дурак, что ли. Но глядя, как переходят на тела земляков шикарные и тонные шмотки, все крутил он и обдумывал одну нехитрую мыслишку.

Он эту мыслишку не один, уж надо полагать, обдумывал, но именно он, похоже, подошел к ней первый со всей еврейской глубиной и основательностью. Потому что на второй день фестиваля сообщил маме, что ему надо поговорить с хорошим старым адвокатом, какой, вроде, был среди ее зна-

КОМЫХ.

– Что случилось? – испугалась мама.

– Ничего не случилось, – твердо заверил Фима.

– Так зачем тебе адвокат? – побледнела мама.

– Чтоб и впредь никогда ничего не случилось, – твердо заверил сын.

Адвокат, разумеется, тоже был еврей, и принимал Фиму в такой же комнатухе коммуналки. Фима развязал испеченный мамой пирог, размял папиросу и посмотрел на адвоката.

– Розочка, сходи в булочную, – попросил адвокат жену.

– Так какие же у вас неприятности? – спросил он. – Слушаю.

– Слушайте внимательно, – сказал Фима, – и если можно, тут же забывайте. Никаких неприятностей нет и быть никогда не должно. Может ли иностранец подарить мне галстук?

– За красивые глаза? – поинтересовался адвокат.

– В знак дружбы, – серьезно сказал Фима.

– У вас есть друг-иностранец? Кто? Где вы его взяли – на улице?

– На улице, – сказал Фима.

– И каким образом?

– Он спросил, как пройти к памятнику Ленину у Финляндского вокзала.

– И что же?

– Я его проводил к святыне нашего города и рассказал о приезде Ленина в апреле 17 года.

Адвокат укусил пирог, с удовольствием пожевал, запил чаем и посмотрел на Фиму.

– Он снял галстук прямо с шеи? – спросил он.

– Я долго отказывался, но он обиделся, а я не хочу, чтобы иностранцы обижались на ленинградцев, – ответил Фима.

Адвокат кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Иностранец может подарить вам галстук.

– Я так и думал, – сказал Фима. – А рубашку он тоже может мне подарить?

– Он тоже снял ее с себя под памятником Ленину?

– Нет. Он попросил проводить его обратно до гостиницы.

– Он боялся заблудиться?

– Совершенно верно.

Адвокат подумал.

– А на каком языке вы говорили? – торжествующе выкрикнул он.

– На английском, – слегка удивился Фима.

– А откуда это вы знаете английский?!

– Как откуда? – еще больше удивился Фима. – Я учил его восемь лет: шесть в школе и два в институте. Я советский инженер с высшим образованием. Советское образование – лучшее в мире! Я был отличником.

– Да, – согласился адвокат, – это правда... Советское образование – лучшее в мире.

– Еще он подарил мне пиджак и туфли, – добавил Фима.

– За что?! – поразился адвокат.

– А я подарил ему свой пиджак и свои туфли.

– Зачем?!

– Ему нравятся наши товары.

– Так почему он не купил?!

– У него кончились деньги.

– Почему кончились?

– Он был накануне в ресторане.

– В каком? – быстро воткнулся вопрос.

– На «Крыше» в «Европейской», – так же быстро последовал ответ.

– А больше денег у него не было?

– А больше денег у него не было?

– Я должен был попросить его показать мне бумажник?

или счет в банке?

Адвокат доел кусок и облизал пальцы.

– Хорошо, молодой человек, – одобрительно признал он. –

Он может подарить вам галстук, рубашку, пиджак и туфли.

– Носки и плащ, – добавил Фима. – Он сказал, что жена

купила ему носки не того размера, а плащ дал мне надеть,

потому что пошел дождь; дома я выгладил его и хотел вернуть,

но он уже уехал.

– Что еще? – спросил адвокат.

– Две пары чулок и французское белье для моей мамы.

– Зайдите в субботу, – сказал адвокат. – Я должен изучить

этот вопрос так, чтоб не было сомнений.

– Да, – согласился Фима, – сомнений быть не должно. Но

не в субботу, а завтра. Время дорого.

– Молодой человек, – сказал адвокат.

– Дружба дружбой, а служба службой, – сказал тогда Фима. – Вы даете мне эту консультацию и получаете гонорар по высшей ставке. Ставку назовете сами.

Адвокат сдвинул очки на лоб. Фима вынул из кошелька полученную вчера зарплату и положил на стол. На ближайшие две недели они с мамой оставались с сорока копейками.

– Хорошо, – сказал адвокат. – Завтра в шесть.

– Подарки являются моей собственностью?

– Безусловно.

– Я могу их выкинуть?

– В первую же урну.

– Могу подарить?

– Первому встречному.

– Могу продать?

– Ага... Вероятно.

– Что значит – вероятно? Это мои вещи или нет?

– Вас интересуют статьи о спекуляции?

– А где вы тут видите спекуляцию?

Адвокат закурил Фимину папиросу и улыбнулся вошедшей с сеткой жене.

– Идишекопф, – ласково сказал он, кивая на Фиму. – Мать этого мальчика не умрет от нищеты.

Вот так в городе Ленинграде летом пятьдесят седьмо-

го года в голове молодого и нормально задавленного жизнью восьмисотрублевого инженера и вполне типичного еврея Фимы Бляйшица родилась гениальная идея фарцовки.

Название это родилось позднее, и не у него, но название его мало заботило, потому что Фима был нормальным советским материалистом и прекрасно знал, что было бы дело, а название ему всегда найдется.

Нет, и до него, разумеется, всю жизнь скупали барахло у иностранцев и толкали его на барахолках и среди знакомых, но он первый подошел к проблеме серьезно и научно. Он первый исчерпывающе выяснил, что в уголовном кодексе нет статей, карающих за получение денег по дивной модели, безукоризненно им отшлифованной.

А также, будучи молодым, умным и энергичным человеком с высшим образованием, изучавшим также и политэкономия по Марксу, он прекрасно понимал важность первым реализовать ценную идею и перспективу монополизации рынка и эксплуатации чужого труда.

Взрывчатая энергия свершений и карьеры, глухо запертая Законом в его курчавой голове и узкой грудной клетке, обрела выход и направление и всепробойной струей ударила наружу.

3. Начало

Назавтра он, во-первых, назанимал у всех, кого мог, пол-

торы тысячи рублей – по десять, пятьдесят, сотне, – «до полочки», срочно «на костюм»; и, во-вторых, записался в бригадил, то бишь в народные дружинники, о чем и получил полезные красные корочки.

Первого своего фирмача он разбомбил в Эрмитаже, в нижнем гардеробе у выхода, рядом с туалетом. В том тесном и летучем столпотворении за каждым уследить невозможно, контакт выглядел естественно и невинно, и заход вдвоем в туалет никак не может выглядеть специальным умыслом.

Группу он отметил, определяя английский экскурсовода, в малых голландцах, наслаждаясь искусством следом за ними, не пялясь и не приближаясь. Выцелил добродушного на вид парня под тридцать, рассеянно обогнал их перед лестницей, подождал в гардеробе, поправляя прическу перед зеркалом за женскими спинами.

– Сори, – сказал он, попятившись и ненароком слегка толкнув парня.

– Сори, – приветливо улыбнувшись, в свою очередь ответил тот.

Фима, сияя доброжелательством ему в глаза, краем зрения зацепил галстук и сделал потрясенное лицо.

– Ар ю фром Парис? – умирая от восторга, спросил он непосредственно у галстука.

– Ноу, фром Свиден, – ласково ответил владелец.

– Зис ван из май оулд дрим, – мечтательно пожаловался Фима галстуку. – Свиден из вандерфул кантри, ай ноу. Ай

вонт мэйк ю литл призент фром Раша. Хэв ю ван минит?

Швед покосился на дам из своей группы, выстроившихся в хвост привычной советской очереди, загибающейся в женский туалет, и отвечал утвердительно, что он хэв.

Фима чуть заметно подмигнул, чуть заметно двумя пальцами за рукав задал ему секундно направление в мужской туалет, там внутри тоже была очередь, и он небрежно, как бы одной рукой уже расстегивая штаны, другой сунул шведу семерную матрешку.

– Оу, сэнк ю вери мач, – рассыпался донельзя счастливый швед.

– Нот ит ол, – печально ответил Фима галстуку. – Из ит вери експенсив синг фор ю? Ченч, иф ю пли-из, ее?

Швед секунду поколебался, наметив движение руки к галстуку – не то щедрое, не то наоборот, защищающее.

– Фор э мемори оф ауэ мэн френдшип, – со сдержанной мужской грустью расставания произнес Фима и отвел полу пиджака, показывая торчащую из внутреннего кармана бутылку водки.

Швед узнавшающе посмотрел на водку и приязненно улыбнулся. Не то он решил, что это тоже презент, не то вознамерился выпить сейчас тут же безотлагательно, но как-то храня во взгляде память о бутылке, щедрым запорожским жестом сдернул галстук и удивленно обернулся: галстук бесследно исчез вместе с Фимой.

Достоявшись в очереди на мочеиспускание, швед с посте-

пенным приятным облегчением подумал о загадочной русской душе и исчез, первая ласточка, из Фиминой судьбы и тем самым из нашего повествования. Экая жалость, что История не донесла до нас имени первого объекта того громадного бизнеса, который именуется фарцовкой.

Фима же, небрежно при выходе нацепив галстук на собственную шею, как бы приводя себя в порядок после духоты и толкотни музея, погулял небрежно в Александровский сад и шлепнулся на скамью у памятника Пржевальскому.

– Это тебе не верблюдов доить, – с назидательной покровительственностью сказал он памятнику.

Перечитал, смял и на всякий пожарный случай выкинул в урну листочек с самодельным своим русско-английским разговорником: английским он владел, как всякий нормальный советский инженер, несколько лучше обезьяны, но гораздо хуже эскимоса.

– Боже, какой писк моды! потрясэ! – оценили в отделе буйный попугайский колер его добычи. – Где оторвал?

– Дядя в подарок привез, из Швеции, – с удовольствием поведал Фима, легко опровергая теорию о невозможности для мужчины родить, причем сразу пожилого ответственного двоюродного дядю, бывающего в загранкомандировках.

Галстук он загнал одному из жаждущих пижонов прямо на работе, выгадав на своей первой сделке всего пятнадцать рублей.

И твердо решил на работе больше никаких сделок не со-

вершать.

Лиса не трогает ближний курятник.

4. Бомбардир

Есть много способов бомбить фирму.

В гостиницах и прямо в аэропортах, в кабаках и в театрах, в музеях и непосредственно на улице.

Можно просто клянчить мелочи на бедность, брать мелочи покрупнее в благодарность за общение или гостеприимство, можно менять на сувениры или на водку, можно покупать за рубли, можно принимать в уплату за девочек, такси и угощение в ресторане. Можно спойть или припугнуть.

Отшумел достославный Московский Фестиваль, и вряд ли кто из знаменитых на весь мир его участников извлек из него столько пользы, сколько маленький и незаметный Фима Бляйшиц.

В течение месяца, методично и крайне осмотнительно, избегая оперов, дружинников, а главное – страшное КГБ, подозревая стукача в каждом и тщательно выстраивая каждый вечер несокрушимую версию абсолютной своей невиновности в случае если чего, не появляясь дважды в одном и том же месте, прощупывал и познавал он все ходы.

Открытия, которые насмешили бы своей наивной очевидностью барыг и знатоков уголовного мира, он делал самостоятельно, сам искал решений и – новичок, не знающий зако-

нов, не ведает и запретов, – шел в мыслях и планах дальше тех, кто был до него и вокруг него.

Открытие первое: будь ты хоть трижды чист перед Законом, но коли контакты с иностранцами негласно не одобряются и находятся под особым контролем, тебе всегда сумеют поломать ребра в милиции и вломить срок, или в крайнем случае накатят телегу и уволят из комсомола и с работы, а потом от черного досье век не избавишься.

Вывод – древний: не подмажешь – не поедешь.

Он занялся определением тех, кому надо совать в лапу, и поисками путей к ним.

Швейцары брали поголовно, но поголовно же и стучали.

Поголовно были осведомителями ГБ гиды и шофера «Интуриста» (и остаются поныне).

В каждом кабаке и в каждой гостинице постоянно дежурили менты и гэбэшники в штатском.

Практически всех иностранцев «водили» беспрерывно.

– От всех на свете не отмажешься, – поучительно сказал Фима полюбившемуся ему Пржевальскому. – Информация – королева бизнеса.

Трудно сказать, знал ли он тогда о Ротшильде, которому голубок принес весть о Ватерлоо в несведущий Париж, но он уяснил это задолго до пресловутого информационного бума.

«Платить надо хозяину, а не шестеркам». В безумном приступе гордыни он мечтал взять на содержание прямо начальника ленинградского КГБ. К чести его надо отметить,

что здравый смысл одержал верх, и он для себя остановился на противоположной модели: платить именно шестеркам, а уж они пусть сами, блюдя свои интересы, разбираются со своим начальством. Если он сумеет платить им больше, чем начальство, то и работать, естественно, они будут на него, а не на начальство.

Эта удобная и естественная пирамида с широким основанием и узким верхом стоит и поныне.

Второе же открытие заключалось в следующем: не крутись сам, заставляй крутиться других – ты один, а их много.

Он насел на сбор информации, прокачивая всех одноклассников, друзей детства, их друзей и родственников: он выходил на систему «Интуриста» и треста гостиниц.

По ночам он срочно учил английский; знакомая учительница ставила произношение.

В транспорте на работу и обратно обдумывал схемы всеохватной и подстрахованной сети.

По вечерам и выходным фарцевал, не стремясь урвать большой кусок сегодня, но дальновидно проверяя варианты для светлого завтра.

Бабки летели вихрем: постановка дела требовала расходов.

Он тренировал зрительную память, как примерный ученик разведшколы: в театрах и кабаках уже отмечались им маловыразительные постоянные лица без признаков любви к искусству и разгулу.

Шмотки сдавались сначала в комиссионки, он строго чередовал магазины по списку.

Через полтора месяца он ощущал себя абсолютно другим человеком – да он и был другим: деловар с башлями. Это категория особая, это по натуре эдакая акула-истребитель, гроза Уолл-стрита и мафии одновременно, беспощадный профессионал-боец за денежные знаки, притворяющийся окушкой под сплошным и частым советским бреднем. Волк и волкодав в одном лице. Короче, характерная биологическая особь. Где Закон не защищает бизнес – там бизнес показывает Закону, кто такая мать кузмы и кто платит за музыку, под которую Закон пляшет.

5. Бросай крюч

Была некогда такая команда на флотах, когда крючья с тросами летели в такелаж и фальшборт вражеского корабля и, вцепляясь, подтягивали его вплотную для абордажной добычи.

Первым сел на Фимин крюк шофер интуристовского автобуса, который, как все наши шофера, любил после работы крепко врезать и плотно закусить, вознаграждая себя за вынужденное воздержание при баранке.

Шофера Фима целенаправленно встретил в одной компании, где и подружился с ним до чрезвычайности, имея приготовленную дополнительную бутылку в кармане плаща

на вешалке и приготовленную речь на как бы развязавшемся языке: он завидует шоферу, его мужской работе, полной интересных впечатлений, его заработку и эффектной мужественной полноценности.

Дружба продолжилась назавтра в «Метрополе», куда Фима пришел со знакомой, каковая безусловно и предпочла мужественного шофера ему, а Фима оплатил счет и посадил их в такси.

Шоферу понравилось как угощение, так и знакомая, и Фиму он презирал за ничтожество, но от повторного приглашения не отказался, ощущая себя, однако, не только высшим существом, но слегка все-таки обязанным этому доброму растяпистому еврею существом.

Выпив и размякнув, он Фиме посочувствовал и поучил его жизни, и согласился помочь ему в осуществлении мечты – доставании модного заграничного пиджака.

За пиджак он получил более, чем рассчитывал, и через недельку также более получил за шуйзы – дивные такие туфельки на толстенном микропоре.

Если на свете и затаился где-либо в темноте шофер, не любящий левых денег, так это был не тот парень. Поднатужившись в арифметике, он вычислил, что его заработок удваивается, и испытал к Фиме бережливое уважение. Совместное питье вскоре кончилось, чего нельзя сказать о совместном бизнесе.

Кстати, шофер вскоре пить тоже бросил, как это ни смеш-

но. Поскольку портят человека, как признали наконец и на родине социализма, не деньги, а их отсутствие, то шофер с деньгами вдруг ощутил реальность, так сказать, голубой мечты любого, опять же, шофера, – иметь собственный автомобиль, купил на фарцованные деньги «Победу», переехал в одну из первых в Ленинграде отдельных кооперативных квартир и стал до невозможности порядочным гражданином. Он и поныне жив, на пенсии уже, живет у метро «Электросила» и по воскресным утрам, опохмеляясь у пивного ларька (уж субботняя банка – это святое), все порывается рассказать какому-нибудь новичку о Фиме как примере гениальности и масштабности личности, несмотря на национальную ущербность.

А шмотки он сдавал, после первых встреч, уже не самому Фиме, а «мальчику», из улично-ресторанных бездельников, которого Фима, опять же, хорошо угостил, и повторил, и предложил в третий раз, но сначала – рассчитаться невинной переноской невинных вещей до парикмахерской, где портфель с барахлом был отдан расторопной мастерице. Первая цепочка заработала: Фима лишь получал от парикмахерши процеженные деньги, которые и распределял по справедливости между всеми трудящимися в этой маленькой фирме.

Цепочка, естественно, попыталась отделаться от босса как от нахлебника и захребетника и утаить груз, но на то и босс, чтобы уметь ремонтировать цепочки: мальчик, конечно, отнюдь не хотел знакомить шофера с парикмахершей, чтоб не

стать ненужным самому, и именно он-то, связующее звено, возомнившее себя мозгом, был по безмозглой-то голове и другим нежным органам жестоко отметелен приבלатненным с Фиминого двора (и вся-то любовь за две бутылки, а бойцу одно удовольствие) и предупрежден о неполном служебном соответствии: в следующий раз вообще в канал сбросят.

И к первой цепочке стали быстро подсоединяться разнообразные другие: фирма превращалась в концерн.

Рисковые одиночки поняли и оценили преимущества организации труда и гарантированного заработка. Ершистых карали беспощадно. Нищих уличных милиционеров купили на корню: в такие мелочи Фима быстро даже перестал вникать.

6. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью

И вскоре это выглядело так:

К дому двадцать два по Восьмой линии подваливал сияющий интуристовский автобус. Оттуда выходил вальяжный молодой человек с двумя чемоданами, поднимался на второй этаж и звонил в дверь Фиминой квартиры. Дверь распахивалась – и он оказывался в приемной, где за огромным столом сидел другой вальяжный молодой человек. Последний бегло смотрел на содержимое чемоданов и швырял их в угол, из ящика стола доставал пачку денег и швырял посетителю.

Дверь захлопывалась, автобус уезжал.

Квартира сияла простором. Соседи были выселены посредством дорогой комбинации: дом поставили на капремонт, указанным жильцам предоставили новую (лучшую) жилплощадь, после чего новая комиссия признала дом годным без капремонта, а негодными объявила только их комнаты, каковые Фима и отремонтировал, оставшись хозяином двухсотметровых хоромов.

Продукты привозились исключительно с рынка и кладовых Елисеева.

В подъезде дежурила пара денди с широкими плечами.

Два телефона звонили круглосуточно и говорили непонятным разведческим языком.

А в маленькой задней комнате, привычной с детства, сидел Фима в дешевом костюмчике фабрики Володарского, в скороходовских туфлях, с часами «Победа», и координировал движение маховика.

Он не изменил своих привычек ни в чем. Мало ел, практически не пил, тихо и вежливо разговаривал, и только для передвижения, абсолютно необходимого в деле, купил старый подержанный «Москвич».

Милиционер на углу пытался отдавать ему честь. Через неделю лстивого милиционера перевели в Москву. Милиционерам вообще не полагалось знать о существовании Фимы Бляйшица. На то были мальчишки.

7. Шляпа

Тем временем «открыли» финскую границу – для финнов сюда, но уж не нашим туда, ясно. И водкотуристы валом повалили в Питер отдыхать на уик-эндах от своего полусухого закона. Общение с иностранцами росло, и Фима рос вместе с ним.

Среди прочих инспекторских вылазок отправился он по весне на Выборгское шоссе, где подвижные пикеты его мальчиков останавливали и трясли автобусы с финнами, снимая сливки еще до города, прямо после границы.

Он оставил «Москвич» на обочине перед поворотом и закурил за кустиком:

Первый мальчик сидел с бутылкой наготове в коляске мотоцикла, а второй поворачивал на костерке шашлычки.

Автобус показался, мальчики приветствовали, лица за стеклами радостно оживились и готовно откликнулись на приглашение к десятиминутному пикничку, прямо так, за просто, без потери времени и без всяких хлопот и расходов. Шофер принял полтинник, в багажнике люльки открылся ящик водки, и интернациональное братание на лоне природы естественно перетекло в алкогольно-вещевой обмен.

Фима утвердительно кивнул и направился обратно к машине.

Но в последний момент глаз зацепил что-то, заинтересо-

вавшее его.

Из автобуса вывалился здоровенный дородный мужчина, розовый от свинины и пухлый от пива. Замшевые шорты обтягивали его откормленные ляжки, а клетчатая безрукавка – нуждающуюся в бюстгальтере грудь. Он был похож скорее на тирольского немца, нежели на турмалая. Он и оказался тирольцем, а в Финляндии просто гостил.

А на голове у упитанного тирольца была шляпа.

Это была не простая, а какая-то необыкновенная шляпа.

Она была белая, как синий снег, и поигрывала искристой радугой, как бриллиантовое кольцо королевы. Драгоценным муаром опоясывала ее орденская лента, и горделиво подрагивало стрельчатое рыцарское перо, горя алым знаком доблести. Короче, какая-то офигенная шляпа.

Фима задумчиво вернулся на свой наблюдательный пост.

Мальчики не оставили необыкновеннейшую шляпу без внимания. Тирольцу вручили шашлык и стакан. Он выпил и закусил. Мальчик указал на шляпу и изобразил, что тирольцу представился единственный в жизни шанс толково пристроить эту в общем-то малоинтересную вещь. Тиролоец качнул отрицательно.

Мальчик похлопотал еще пару минут, а после перешел к более сговорчивым гостям нашего города, бо их было сорок пять, а наших умельцев всего двое, и за часок максимум надо было всех обработать.

За кустом Фима сплюнул окурочек и направился к пикнику.

Мальчики приветствовали босса навтытяжку, изображая ошеломление, хотя такая проверка была в порядке вещей. Шофер посмотрел на часы, а финны – на солнце, садящееся в озере: они хотели в гостиничный ресторан, но не раньше, чем выпьют все здесь.

Фиме постелили чехол у костерка, спихнув с места пару финнов, спешно ополоснули в озере и подали стакан, налили, сняли лучший шашлык и распечатали пачку «Мальборо». Такое отношение впечатлило окружающих. Фима встретился взглядом с тирольцем, поднял стакан и предложил жестом сесть рядом. «Это большой босс. Миллионер. Очень сильный человек», – значительно шепнули мальчики тупому тирольцу.

Тот достойно присел к Фиме и чокнулся. Они обменялись фразами о прекрасной природе и необходимости дружить. Мальчики кончали потрошить автобус, затискивали сумки в люльку.

Фима достал из кармана золотой паркер и подарил тирольцу на память. Тиронец с благодарностью обогатил свою память, но расстаться со шляпой отказался.

– О'кей, – сказал Фима. – Сто рублей.

– Найн.

– Двести. Я хочу сделать подарок одному знаменитому кинорежиссеру. Эйзенштейн, может, слышал? броненосец «Потемкин»?

– О, йа!

Тиролец соглашался слушать об Эйзенштейне, но решительно глух, когда речь заходила о шляпе.

– Тысячу, – сказал Фима.

Мальчики вылупили глаза. Финны приостановились допивать.

– Слушай, ты, дубина стоеросовая, – нежно сказал Фима по-русски, обнимая тирольца за треххватную талию. – Хряк баварский. Какого хрена тебе надо, скажи? сдай чепец и канай кирять, животное!

Он кинул мальчикам ключи от машины, и через минуту тирольца в два смычка накачивали коньяком: слева армянским, справа французским. Тиролец выжрал литр благородного напитка, довольно рыгнул, утер губы и подтвердил свое намерение никогда не расставаться с дорогой его сердцу шляпой.

– Сниму и уеду, – раздраженно предложил старший мальчик.

– Не трогай, – холодно приказал Фима.

Тиролец заплакал, перешел на немецкий и стал сбивчиво бормотать романтическую историю, связанную с этим необыкновенным головным убором.

– Гитлер капут! – оборвал Фима. – Что ты делал во время войны? Служил в СС? Воевал в России?!

– Найд! – завопил тиролец. – Их бин швейцарец!

– Швейцарская гвардия французских королей, – польстил эрудированно Фима. – А в армию тебя не взяли по здоро-

вью? – презрительно хлопнув по заколыхавшемуся животу. – Сердце больное, небось? еле ходишь?

– Я был спортсменом, – обиженно заявил тиролец.

– И что за спорт? кто больше пива выпьет?

– Ватерполо! Я даже играл за сборную Швейцарии!

– Такая туша умеет плавать?

– Жир потонуть не даст, – презрительно включился старший мальчик. – Пора ехать, Ефим Данилович.

– Да я, наверное, плаваю и то лучше, чем ты, – сказал Фима.

И вот Фима с раздраженным, как бык, тирольцем начинают сдирать с себя одежды. Вода в озере Красавица, что по Выборгскому шоссе, заметьте, и летом ледяная, а в мае просто в свиное ухо закручивает.

Фима остается в семейных трусах и первым шагает к берегу, кося на тирольца. Старший мальчик заводит мотоцикл, младший делает стойку на шляпу.

Тиролец остается в плавках и в шляпе. И в таком виде идет к воде.

Шофер непроизвольно гогочет. Фима бледнеет. Мальчик спотыкается.

В воде Фима сдергивает с тирольца шляпу и бурля воду, как сумасшедшая землечерпалка, суматошно плывет вперед. Тиролец делает несколько мощных гребков кролем и начинает задыхаться в обжигающе холодной воде. Фима, взбивая пену, безоглядно прет по прямой, и на голове его сияет

белоснежная дивная шляпа. Тиролец пытается его нагнать, оглядывается, до берега уже далеко, финны машут и свистят, мальчики стоят, расставив ноги, в позе наемных убийц. Тиролец пугается, останавливается и начинает потихоньку тонуть. Фима прет, дробя и разбрызгивая багровую солнечную дорожку, в безумную даль.

Мальчики впадают в панику, прыгают на месте, толкают финнов в воду – спасти тонущего. Пьяная орава лезет в воду, ухает, орет, булькает, выволакивает ограбленного шляповладельца и отчаянно галдит.

А Фима суетливо барахтается где-то уже посередине озера, еле голова чернеет, а озеро там километра под два шириной, а длиной – и краев не видно, оно длинное, километров в пятнадцать, не обежишь.

Мальчики в ужасе: утонет босс – заказывай гробы, головы не сносить. Прыгают, матерятся, вопят, врезают от отчаяния по морде потрясенному тирольцу, скачут на мотоцикл и прут по лесу и болоту вокруг озера на тот берег, потому что шеф, при всей беспорядочности и неуклюжести своих судорожных движений, продолжает продвигаться по прямой, и уже ближе к тому берегу, чем к этому, явно не собираясь поворачивать.

Подскакивая и кренясь на корнях, обдираясь в зарослях и буксуя в болоте, измученные поспешностью и страхом, они выбирают из чащи на противоположный берег, и видят, что Фима уже в сотне метров от спасительной суши, глаза

его бессмысленно вытаращены, а изо рта и носа идут пузыри. Мальчишки скачут в воду, выволакивают босса, в бешеном темпе проводят спасательные работы: зачем-то от растерянности энергично проводят искусственное дыхание, льют в рот водку из горлышка, со всех сил растирают только что сфарцованным свитером, расшвыривают барахло из сумок, укутывая Фиму во все самое теплое.

И все это время, в изнеможении подчиняясь их заботливым действиям, Фима бдительно следит за наличием на голове драгоценной шляпы.

Его посадили в люльку, пошвыряв не помещающееся барахло, довели до машины, доставили домой, причем мотоциклист понесся вперед, и дома Фиму уже ждал личный врач, горячая ванна, перцовый пластырь, ром, малина, горчичники, аспирин, черт, дьявол, нервничающие приближенные и испуганная мама.

– Фимочка, – спросила она, – что это у тебя на голове?

– У тебя недавно новые очки, – ответил сын. – Их подобрал вполне приличный профессор, он произвел на меня хорошее впечатление. Это шляпа, мама. Я что, не могу носить шляпу?

Он стоял в твидовых брюках, верблюжьем свитере под коричневой кожаной курткой, в клетчатом шарфе на шее и высоких туристских башмаках на ногах, щурясь сквозь запасные очки взамен утонувших, и на курчавой голове его горела царской короной бриллиантовая шляпа.

Ночью мама поила его горячим молоком и разговаривала.
– Зачем она тебе? – спрашивала она.
– Нравится, – со странным выражением отвечал он.
С тех пор без этой шляпы его никто никогда не видел.

8. Зэк

Раздраженный медленным продвижением к коммунизму, Хрущев решил, что одна из тому причин – что граждане многовато воруют, и ввел новые законы за это, придав им обратную силу, – вплоть до высшей меры. Были велены показательные процессы, пару человек шлепнуть и нескольких наказать примерно, для неповадности другим.

Фимины судьба была решена на высшем ленинградском уровне, хотя его дело не приобрело такого всемирного звучания, как дело Бродского: что ж, удел поэта – слава, удел бизнесмена – деньги; каждому свое.

К нему явились домой, для пущей важности – ночью, предъявили постановление и ордер, перевернули все вверх дном и отконвоировали в Кресты. Они знали, с кем имеют дело, и на всякий случай были вежливы. Он тоже знал, с кем имеет дело, причем знал заранее, но он был прикрыт и отмазан слишком хорошо, куплены были все, и он счел правильным спокойно ждать и подчиниться Закону, чтобы потом тем чище утвердить свою чистоту и невинность.

На суде адвокат пел, как Карузо. Свидетели мычали и от-

крещивались. Зал рукоплескал. Прокурор потел униженно. Фима действительно выходил пред лицом Закона чище, чем вздох ангела. Тем не менее двенадцать лет с конфискацией он огреб, потому что этот приговор был заранее вынесен в Смольном.

Для лагеря, в который его этапировали, это был небывалый и длительный праздник, – точнее, для начальства лагеря. Потому что ленинградская мафия, блюдя честь корпорации, взяла начальство на содержание. Ежемесячные оклады и подарки – машинами, гарнитурами, телевизорами – получали начальник колонии, зам по воспитательной работе, начальник отряда и прочие. Авторитетные воры вдруг стали получать посылки с деликатесами и водку от неизвестных благодетелей. Фима жил, как принц Уэльский, – его оберегали от пушинок. Он был определен библиотекарем, жил в собственной комнате, не ходил на разводы, не брякал палец о палец, не прикасался к лагерной жратве, носил собственное белье, слушал радио, читал книги и занимался гантелями. Однажды, забавы ради, Фима пригласил к себе на рюмку коньяка начальника колонии и главвора зоны одновременно, видимо наслаждаясь светским профессионализмом беседы и пикантностью ситуации. Прислуживала на этой исторической вечеринке официантка из офицерской столовой, каковая и оставалась спать с Фимой, ценя французские духи, французское белье, деньги, и более всего – отдельную однокомнатную квартиру в единственном благоустроенном доме

в поселке: в ее зачаточном сознании Фима был чем-то средним между царем Соломоном и Аль Капоне, если только она когда-нибудь слышала об этих двоих.

Фиминых миллионов хватило бы, чтобы купить всю Пермскую область и обтянуть ее лагерь золотой проволокой. Миллионы верно работали на него, как он работал раньше на них, и на воле за него хлопотали.

В результате седьмого ноября шестьдесят седьмого года он с удовольствием прошел в замыкающей колонне демонстрантов по Красной площади, помахав сменившимся за три с половиной года его отсидки вождам на трибуне Мавзолея, патриотично выкрикнув: «Слава труженикам советской торговли!» и громко поддержав не менее патриотический призыв «Да здравствуют славные советские чекисты!»

Он был одет в кирзовые ботинки, синие холщовые брюки и черный ватник. Его окружали несколько крепких молодых людей со значительными взглядами. Внедрение его в колонну остается загадочным, но оттого не менее достоверным фактом.

О молодецкой русской тройке Брежнева, Косыгина и Подгорного он отозвался так: «Они бы у меня не поднялись выше смотрителей районов».

Непосредственно с Красной площади он отбыл на Ленинградский вокзал, где друзья ждали его в абонированном целиком спальном вагоне с пиршеством, закончившимся как раз на Московском вокзале в родном Ленинграде.

Фима покачивал кирзачом, нехотя цедил «Наполеон», лениво пожевывал икру и рассеянно выслушивал доклады, возвращаясь к своим обязанностям. Большая амнистия к 50-летию Советской власти прервала беззаботный период его жизни, который позднее он вспоминал как самый счастливый.

И на голове его сияла, разумеется, невредимая, неприкасаемая шляпа, которую он с честью пронес сквозь все испытания. Она составляла дивный контраст с зэковским одеянием, на Красной площади балдели и оглядывались.

9. ЛЮБОВЬ

Свой путь земной пройдя до половины и вступая в гамлетовский возраст, Фима, кремневый деляга, влюбился, как великий Гэтсби.

Анналы не сохранили ее имени, и наверняка она того не стоила. Ничем не приметная милая девочка, которая любила другого, который не любил ее, и слегка страдала от Фиминой национальности в неказистом воплощении.

Фима потерял свою умную голову и распушил свой сюрреалистический хвост. По утрам ей доставляли корзины цветов, а по вечерам – билеты в четвертый ряд, середина, на концерты мировых знаменитостей. Он снимал ей люксовые апартаменты в Ялте и Сочи и заваливал их розами, а под окнами лабал купленный оркестр. Это превосходило ее пред-

ставления о реальности, и поэтому не действовало.

Лощеные хищники на Невском кланялись ей, а подружки бледнели до обмороков; это ей льстило, как-то примиряло с Фимой, но не более. Он купил бы ее за трехкомнатную квартиру, «Жигули» и песцовую шубу: дальше этого ее воображение не шло, прочее воспринималось как какая-то ерунда и пустая блажь. Как истинный влюбленный, он мерил не тем масштабом.

Когда выяснилось, что она собирается замуж за своего мальчика, уеденного соперничеством всемогущего миллионера, Фима пал до дежурств в подъезде, умоляющих писем и одиноких слез.

На свадьбу он подарил им через третьи руки ту самую квартиру и две турпутевки в Париж. А сам в первый и последний раз в жизни нажрался в хлам, поставив на рога всю «Асторию», а ночью снял катер речной милиции и до утра с ревом носился по Неве, распевая «Варяга», причем баснословно оплаченные милиционеры должны были подпевать и изображать тонущих японцев.

10. Венец и конец

А тем временем прошла ведь израильско-арабская война шестьдесят седьмого года, и все события годочка шестьдесят восьмого, и гайки пошли закручиваться, и в Ленинграде, как и везде в Союзе, но довольно особенно, стал нарастать

вполне негласный, но еще более вполне официальный, государственный то есть, антисемитизм, три «не» к евреям: не увольнять, не принимать и не повышать, на службе, имеется в виду; и пошла навинчиваться спиралью всеохватная и небывалая коррупция, облегчающая расширение дел, но раздражающая буйной неорганизованной конкуренцией, на подавление которой стало уходить много сил и средств, и исчезал уже в деле былой спортивный азарт и кайф, деятельность бесперебойного механизма концерна стала отдавать повседневной рутинной; и началась понемногу еврейская эмиграция.

И Фима решил сваливать. Он выработал Ленинград и Союз, здесь он поднялся до своего потолка, и пути дальше не было, и стало в общем неинтересно.

Дело надо было продавать, а деньги превращать в валюту. Информация разошлась по Союзу. Колесо завертелось. Все рубли были превращены в максимальной ценности камни. Камни было выгоднее обратить в доллары на месте.

Уже пришел вызов, и было получено разрешение, и куплены билеты на «жидовоз» Ленинград – Вена, что празднично и нагло взмывал по четвергам из Пулково.

Последнюю операцию Фима проводил лично. Речь шла о чересчур уж гигантских деньгах, и здесь доверять нельзя было никому.

Славным летним днем, под вечер, он вышел из своего дома и по Большому проспекту пешочком двинулся к Невско-

му. Он помахивал пузатым старым портфелем, из которого спереди торчал край березового веника, а сзади – пивное горлышко. Все знали, что он любил попариться. Точно так же все знали, что он никогда ничего не носил с собой из ценностей и барахла, и никогда не имел при себе суммы крупнее ста рублей: на то имелись мальчишки, а он был чист и ни к чему не причастен, скромный стапятидесятирублевый инженер. Благодушно улыбаясь, он погулял по Невскому до молодой листвы на тихой улице Софьи Перовской, и на протяжении всего маршрута через каждую сотню метров скользил взглядом по очередному мальчику из сторожевого оцепления своих боевиков.

Во внутреннем кармане у него лежал мешочек с отборными бриллиантами и изумрудами, а в подмышечной кобуре – взведенный «Макаров».

Он шел пешком, потому что на улице, да в час пик, человека труднее взять и легче уйти, чем в транспорте.

Никто не был посвящен в его тайну. В квартире на улице Перовской ждали человека с товаром, не зная, кто это будет; посыльный. Охране вообще знать ничего не полагалось. Портфель был набит газетами.

Дом был оцеплен его людьми. За окнами следили. Максимальное время его пребывания там было им сказано. Выйти он должен был только один.

Он благополучно вошел в квартиру, где его ждали.

Он пробыл там положенное время.

Вышел один и спокойно зашагал домой тем же путем.
Камни были сданы.

Он был упакован пачками долларов, как сейф Американского Национального банка. Портфель был набит долларами плотно, как кирпич. Он нес состояние всей своей жизни.

Плюс тот же демократично торчащий банный веник и пивное горлышко.

Он шел спокойно, и через каждые сто метров мигал своим мальчикам. И мальчики мигали в ответ и снимали оцепление, освобождаясь по своим делам.

Так он дошел до своей линии и позволил себе закурить. И у подъезда глубоко вздохнул, кивнул мальчику на противоположной стороне, выкинул окурочок и взялся за ручку двери.

И тут услышал за спиной властное и хамоватое:

– Стойте!

И ощутил, увидел на своем плече грубую крепкую руку в милицейском обшлагае.

С деревянным спокойствием он отпустил дверь и обернулся.

– Ну что? – осклабясь, спросил милиционер.

– Простите, не понял? – ровно ответил Фима.

– Как называется то, что вы делаете? – карающе и презрительно допросил мент.

– Что же я делаю? – еще ровнее спросил Фима и поднял брови.

– А вы не догадываетесь?!

– О чем? Я иду к себе домой.

– Домой, – со зловещей радостью повторил милиционер. –

А это что?

– Это? Бутылка пива. После бани.

– Бани, значит. А в портфеле что?

– Мыло, полотенце, мочалка и грязное белье, – ровно до удивления сказал Фима. – А что?

– Что?! – грянул милиционер. – А эт-то что?! – И ткнул пальцем к окурку, брошенному в метре от урны. – Окурок кто на тротуар швырнул?! – слегка разбудоражил он в себе сладкое зверство справедливой власти над нарушителем, тупой лимитчик, белесый скобской Вася, вчера из деревни, осуществляя власть в явном своем превосходстве над этим... жидовским интеллигентом в шляпе.

– Простите, – вежливейше сказал Фима и только теперь услышал нарастающий потусторонний звон.

Он наклонился и взял окурок, чтоб бросить его в урну, и в этот миг его шляпа свалилась с головы прямо на асфальт, и нечем было ее подхватить, потому что одной руке нельзя было расстаться с портфелем, а другой следовало обязательно кинуть сначала окурок в урну. И, наклоненный, он увидел, как большой, грубый, черный, воняющий мерзкой казенной ваксой милиционерский сапог глумливым движением близится, касается белоснежной драгоценной шляпы и, оставляя отметину, откидывает ее по заплеванному асфальту в сторону.

Звон грохнул беззвучными небесными литаврами, Фима выдернул из-под мышки пистолет и трижды выстрелил милиционеру в грудь.

Потом поднял шляпу, медленно и бережно вытер ладонью и надел на голову.

Не взглянув на тело, растер ногой окурок и тихо вошел в подъезд, аккуратно закрыв за собой дверь.

Двое мальчиков спускались навстречу с площадки с раскрытыми ртами.

– Свободны, – устало сказал им Фима. – Вас здесь не было. – И стал подниматься по лестнице к себе домой.

– Мама, – сказал он, – я хочу отдохнуть. Если позвонят – проводи ко мне.

На суде, уже после его последнего слова, расстрел шел однозначно, судья не выдержала:

– Ну скажите, за что вы все-таки его убили?

– За шляпу, – ответил Фима.

Марина

1. Девочка легкого поведения

Родом Марина была из Соснового Бора, а это не так чтобы совсем Ленинград, а вроде бы и сливающийся с ним городок сам по себе. И, как все небольшие городки-районы, скучноватый и известный его жителям насквозь, каждый как на стекле: кто пьет, кто гуляет, кто сколько зарабатывает.

Тускло и занудно в таком месте красивой девочке, которая почуяла себе цену и возмечтала такую цену от окружающей жизни получить. Либо правильный двухсотрублевый муж с семейной круговертью, либо разведенный коньяк и дрянная группа в местном кабаке-стекляшке. Жизнь...

Марина была девочка не так чтобы очень красивая, но при всех делах, без изъянов и с известным шармом. В общем, на крепкую четверку: ножки стройные, личико овальное – милая блондиночка, и даже с мыслью в глазах.

Мысль эта была о том, что жизнь дерьмо, и надо как-то устраиваться, чтобы получить от нее удовольствие и чтоб не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

В пятом классе ее начали на переменах хватать за красиво развитые вторичные женские половые признаки, норовили и за первичные, к седьмому классу она прониклась своим жен-

ским предназначением, потому что больше-то проникаться ей было нечем, не считая комсомольской идеологии.

С восьмого класса Марина стала гулять. Или трахаться, – какой оборот вам больше нравится. Ей нравилось и то, и другое: в макияже, в попсовом прикиде, канать по центру с видным, хорошо одетым мальчиком старше нее, и чтоб он мог любому дать по морде и имел бабки красиво поужинать в кабаке.

А еще в идеале чтобы – цветы, шампанское и машина. Это кайф; чего еще-то.

И хорошо покувыркаться в койке для нее было состоянием желанно естественным; и то сказать, развитая женщина в пятнадцать лет – чего ж тут неестественного. Ей нравилось свое красивое тело, и красивое мужское тело, и наслаждение, и тот прекрасный и волнующий смысл, который оно придавало – еще в перспективе – самым невинным словам и поступкам.

Мать пару раз, вопя на весь двор: «Я тебя отучу блядовать!!», таскала ее за волосы и лупила по щекам, согласно канонам здорового народного воспитания, пока не смирилась с судьбой, вспомнив, вероятно, что смирение есть первейшая христианская добродетель, особенно когда все равно ничего не получается изменить. Ей некогда было убиваться поведением дочери, ей работать надо было и дом держать. А отец как пил, так и продолжал, и, жутко матеря шлюху-дочь, про себя, естественно, мечтал отодрать ее подруг.

– Ты думаешь, сука, как дальше жить будешь?!

– Думаю.

– И что же ты думаешь?!

– Или на панель, или замуж. Прокормлюсь. За сто рублей работать не буду, не волнуйтесь.

– Что ж это ты за сто-то не будешь?

– Да на одну косметику и белье больше уходит.

– Ах, вот как! А что ж ты умеешь делать-то, что сто рублей тебе уж и мало?!

Марина ответила, что она умеет делать. И это она действительно умела, все парни знали и друг другу рассказывали.

И ее даже никак нельзя было считать порочной. Естественная, как дитя природы, цветок на городском асфальте. Даже милая.

2. Влипла

Разумеется, она довольно быстро залетела, то бишь забеременела, и неделю в ужасе прорыдала по ночам. От мальчиков она не дождалась сочувствия: «А я что у тебя, один был?..», а от родителей уж не могла рассчитывать дожждаться понимания: «Ну что, нагуляла пузо, шлюха?!»

Разумеется, в женской консультации она встретила внимания и такта не больше, чем встретит окурок в пылесосе, если ему понадобится справка о простуде. «Уже третья школьница сегодня...» – сказала у умывальника за занавес-

кой врачиха медсестре. «Дорвались до сладкого. Ничего, теперь узнает, что это такое», – ответила сестра.

Марина узнала. В абортарии, будничном, как очередь за водкой, на нее цыкнули, наорали, без всякого наркоза выпотрошили, как курицу: «Следующая!» – равнодушно, как к животному, и безглаголиво, как к падали.

Плывя от смертной тоскливой боли, она доползла до туалета, непереносимо хотелось курить, затянулась под форточкой, вспомнила с резанувшей жалостью к себе, как варилась заживо в горячей ванне с горчицей, пережигая нутро водкой, надеясь избавиться так, без кошмарной операции, и с дикой ненавистью, расчетливой злобой подумала о *них*, которым кататься, не саночки возить.

Но и саночки, как известно, бывают разные.

Потому что вскоре она подцепила триппер, уж это как водится, уж без этого тоже не бывает, и снова сполна прошла весь круг мучений и унижений. И «приведите сначала всех партнеров», и «сообщим в школу по месту учебы», и «вы несовершеннолетняя, придите с родителями».

И после этого с циничным мазохизмом ощутила у себя на лбу соответствующее клеймо.

И тут-то ее и прихватил Карла, решив, что она уже вполне созрела для работы.

3. В борделе

Карла содержал нормальный публичный дом.

То есть дома как такового не было, а было полтора десятка девок, которых подкладывали в местной гостинице под командировочных и летчиков, приезжающих из ближнего гарнизона на выходные попить с удобствами водки.

Марина трепыхнулась, но ей врезали по почкам, показали бритву, изнасиловали втроем, и объяснили, что выбор ее – или быть изуродованной и носу из дому не показывать, или гулять сейчас спокойно в тридцать восьмой номер и спать с приятным нестарым парнем.

– А деньги?

– Тебе за удовольствие еще и деньги?

– А деньги получаем мы, лапочка. Будешь хорошо себя вести – будешь всегда иметь на тряпки и такси.

И полтора года, проклиная судьбу и все спокойнее привыкая к ней – «нормально», – Марина ишачила на Карлу, за червонец с ночи да иногда премии от щедрот. Из дому она давно ушла, снимала квартиру вдвоем с подругой по работе.

Через год план ее выкристаллизовался. Улучить день, вечер, момент, когда Карла будет нежно настроен и явно при деньгах, она, наведя на себя полный марафет, нежно напрашивается и спит с ним, только с одним, убивает, берет все деньги и резко срывается на юг, в Одессу. Ищи ветра в поле.

Она купила длинную пилку для ногтей, с массивной ручкой под слоновую кость, наждачным бруском неторопливо заточила острие и навела лезвия, и для тренировки вонзала иногда ее в спину диванному валику, обняв его двумя руками.

Она даже повеселела и вновь стала иногда выглядеть беззаботно и свежо, как в пятнадцать лет. Она научилась терпеть, а момент неизбежно должен был наступить раньше или позже.

4. Иностранцы

Но тут в жизни Соснового Бора произошли два грандиозных события, надолго взбудораживших общественность и в корне изменивших судьбу Марины.

Во-первых, Карла сгорел, и публичный дом распался. Как всегда бывает, зацепили его на мелочи, он вовлек слишком несовершеннолетнюю дочку слишком высокопоставленного и энергичного папы, который плюнул на купленную милицию и сумел подстегнуть к делу КГБ, которое всегда радо вставить милиции шпилью в нежное место. Дело решили не раздувать, и так хай до границы дошел, что в Ленинграде не просто проституция, а целые публичные дома, и Марина осталась целой-невредимой и в полной свободе.

Боже, что за счастье – эта свобода, пока не сообразишь, что денег-то все равно нет.

Во-вторых же, в Сосновом Бору решили строить новый химкомбинат, да не просто комбинат, а крупнейший в Европе комбинат химического волокна. Об этой новой победе советской промышленности министр окружающей среды Италии высказался по телевидению так: «Сооружение этого комбината будет очень способствовать сохранению окружающей среды Италии». Сюжет этот сдуру, как пример нашего удачного международного сотрудничества, прокрутили в программе «Время», за что ее главный редактор и был уволен с работы. Мол, соображать же надо, нельзя же так, вслух, говорить, что этот комбинатец все кругом угробит.

Строить его, конечно, решили прямо в городе, потому что это гораздо экономичнее, чем вдали: магистрали тянуть не надо, транспорт туда пускать, дома для рабочих там ставить, и так далее. Экономика должна быть экономной.

А для руководства строительством решили пригласить иностранцев вместе с ихними иностранными проектами. Мол, вы нам строите комбинат, а мы вам потом поставляем его продукцию. Гениально и просто, как вся советская власть: в наваре имеем бульон от варки яиц.

Для иностранцев выстроили прекрасную новую гостиницу, подразумевая ее люксовой.

Вообще с этими иностранцами интересно вышло.

Строить первую очередь выписали англичан. Англичане приехали, покрутили своими английскими носами, сделали какие-то пробы воздуха и воды, и сказали, что в гостинице

они жить не будут, тем более что она не соответствует договорным условиям, туристский класс, и вообще они в центре жить не будут, слишком загазован, а пусть-ка им построят новую гостиницу, на окраине, в лесочке.

И им, колонизаторам недорезанным, построили дивный небольшой отель в лесочке, и они поруководили стройкой и пустили первую очередь комбината.

После чего в Министерстве посчитали убыли и прибыли, долго вопили, кто виноват в убытках, и строить вторую очередь пригласили фээргешников.

Фээргешники приехали, нюхнули заводского газку, заколдобились, особенно один, который еще в войну с газком дело имел в лагерях, этот нюхнувший больше всех и выступал, что здесь жить нельзя, этим дышать нельзя, и если хотят, чтобы они работали, то пусть создадут им жилье не менее чем в пяти километрах от комбината, а в этом бараке в полукилометре от трубы пусть живут приговоренные к смертной казни за преступления против человечества.

И им, конечно, построили два новых дома вдали, и возили на автобусе, потому что неустойка дороже бы встала, тем более они не требовали ничего, что не входило бы в нормальные технические условия для такого комбината.

Немцы, кстати, были безумно обрадованы черным обменным курсом бундесмарки на рубли и невероятно низкими ценами на спиртное и шоколад, так что один из них даже умер, приняв русскую дозу вина «Красное крепкое», хотя и

закусывал его шоколадом, а может, он от того шоколада и умер, черт его знает, но только его советских собутыльников, вполне здоровых назавтра после опохмела, уволили с работы, хотя другие немцы хотели судить их за предумышленное убийство, и категорически с тех пор запретили пить с немцами, бо они оплачены валютой, а переморить их любой дурак сумеет, нашим-то рационом.

Строить третью очередь пригласили японцев, как самых технологичных, а также скромных и неприхотливых в быту.

Неприхотливые японцы еще в автобусе повытаскивали счетчики Гейгера и прочей дряни, счетчики исправно затрещали, и очень громко, японцы завопили, что двери автобуса скорей однако закрывать надо и подальше ехать, тут без спецодежды и масок нельзя находиться, и им необходимо дать жилье не менее чем в пятнадцати километрах; и этим самураям таки поставили коттеджи в лесу в пятнадцати километрах от комбината, а время на дорогу они засчитывали в рабочее, причем это было по закону, что особенно бесило наше начальство, хотя одновременно и вселяло в него несколько подобострастное уважение к японцам как к людям, уверенно плюющим тебе в протянутую мозолистую руку и ставящим себя на высоте.

Но вернемся, однако, к англичанам, этим сынам гордой нации первопроходцев и завоевателей, авантюристам длинного фунта стерлингов, принявшим на себя первый удар сосновоборского местного колорита. До этого Сосновый Бор

был закрыт для иностранцев, как город секретный, имеющий атомную электростанцию и истребительный аэродром.

Первыми сделали стойку на англичан официанты и проститутки. И те и другие хотели заграничных вещей и валюты, причем ради этого проститутки были готовы мыть грязную посуду, а официанты – спать с клиентами.

Англичане находили еду несъедобной, количество питья невообразимым, а цены нереально низкими. И их чаевые в валюте приводили официантов в экстаз. При виде англичан своих посетителей просто гнали вон за двери, унося со стола недокушанные блюда и суя им недопитые бутылки в карманы: дома допьешь, родимый, столик заказан.

Проститутки же казались им чрезвычайно красивы и свежи, бо вообще практически все англичанки, как прекрасно знают все в Союзе, похожи не на лошадей даже, а скорее на лошадиные скелеты, иногда разве что украшенные веснушками. Что же касается запрашиваемых ими цен, то, как выразился один техник из Глазго, «у нас за такие деньги ты можешь переспать только с кошкой, и то лишь при том условии, что у нее нет диплома о породе».

Вот как дешево стоила в хрущевское время советская женщина. Не то ныне, когда мы поворачиваемся к свободному миру лицом, пытаясь одновременно прикрыть чем-нибудь противоположную часть тела, и огорчаясь испугу при этом Запада.

Но Марина, несмотря на свои доходы советской бедолаги,

дешевой женщиной себя не считала. Ей просто нужен был хоть единственный шанс, – а там, уж она знала, она вцепится в него, как бульдог, который раньше умрет, нежели расцепит челюсти.

5. Болт

Его звали Уолтер, сокращенно-дружески, стало быть, Уолт, или Волт, по-русски и так произносить можно, а Болтом его уже потом, по созвучию, прозвали Маринины знакомые.

Он был рядовой инженер на этой стройке века и уже болтал немножко по-русски. Марина подцепила его в кабаке и женским безошибочным чутьем сразу ощутила некую добротную британскую порядочность.

Англичанин был вполне еще в цветущем мужском возрасте, не слишком виден собой, но и без изъянов. Любезен и не нахален. И когда она, наделав ему глазок и настроив авансов, сообщила, что он ее не за ту принял, у них в России так не полагается, она девушка порядочная и к нему не поедет, пусть он не обижается, он ей нравится, – англичанин рассыпался в извинениях, велел готовному халдею вызвать тачку, и отвез ее домой, пьяным нежным поцелуем чмокнув на прощание маленькую мягкую ручку.

Ночь Марина провела в размышлениях и мечтах, и глаза ее разгорались, а утром устроилась воспитательницей в детский сад. Теперь она не была тунейдкой, а была педагогом

по младшему возрасту, самому ответственному.

На свидание англичанин прилетел радостный и торжественный, Марину неприятно задело, что он без цветов, и она сообщила, что у них принято дарить девушкам цветы. Англичанин осекся, посмотрел на нее новыми глазами, как на леди, у них в Англии цветы дарят только принцы и миллионеры, и купил роскошный букет, зауважав Марину еще больше.

Она манежила его два месяца, вызубрив книжку о манерах поведения, соглашаясь пить лишь полбокала шампанского и возвращаясь домой не позже девяти. Англичанин был в атасе от такой старомодной порядочности.

Наконец, она с ним переспала, сама стыдливость и скромность, и потом не видела его неделю. Он умирал от тоски и неопределенности. При встрече раскаялась, их отношения бесперспективны, она молит оставить ее в покое и не ломать жизнь, заплакала, поцеловала его и убежала.

Англичанин впал в тихое помешательство. Марина была самой милой и красивой девушкой из тех немногочисленных, с кем он спал за свою жизнь, и он совершенно забыл, что дома, в Англии, у него семья, жена и двое детей, старики-родители и вполне налаженная жизнь.

Марина пришла к нему сама, сказала, что сил жить без него у нее нет, будь что будет, ей все равно, ты меня не выгонишь, милый? правда?.. и, как бы отпустив все тормоза и опьянев, показала ему ночью небо в таких алмазах, что толь-

ко железная английская самодисциплина подняла его утром на работу.

Он шатался, улыбался и ничего не понимал. Он был влюблен, как цуцик.

Когда после работы он обнаружил свой номер-квартирку вылизанным до блеска, рубашки выстиранными и отутюженными, а на столе горячий обед, он впал в экстаз умиления.

Менее всего он мог знать ее прошлое, да им и не интересовался. Взрослая и самостоятельная красивая женщина, пылкая, хозяйственная и до сентиментов порядочная.

И они стали жить как муж с женой, душа в душу и еще лучше. Марина просто в лепешку расшибалась.

Проникнувшись доверием, он рассказал ей о своей семье; ну наконец-то решился. Она изобразила изумление и попыталась уйти, что он без труда пресек.

Нет, жить в таком двусмысленном положении она не может! Ах, ничего она не знает, пусть он делает с ней все, что захочет.

Англичанин написал домой душераздирающее письмо настоящего джентльмена, который на чужбине встретил свою настоящую большую любовь, среди туземных морозов, водки и дикости.

Оскорбленная жена, тоже англичанка, написала в ответ, что англичанин может убираться ко всем чертям, надеюсь, он помнит, что закон гарантирует ей алименты, а вообще пора бы одуматься и вспомнить о детях.

Родители же, старой закваски Великой Британской Империи, не чающие души во внуках, послали ему подлинное проклятие по всей проформе, с отречением от сына и лишением наследства.

Ночью англичанин плакал, а Марина его утешала и усердно пыталась жертвовать собой, а днем он ничего не соображал на работе и, презрев священную заповедь «Не стой под стрелой!», едва не был расплюсчен бетонной плитой.

Интересно, кстати, на какой ответ он рассчитывал, пиша свое романтическое письмо. Наверное, что ближние снимут с него тяжесть принятия решения и возьмут всю ответственность на себя; мужчинам это свойственно.

Так прошел год, и англичанину пришел срок ехать домой в отпуск. Он заблаговременно оформил Марине приглашение по всей форме, политический климат стоял в это время сравнительно мягкий, и повез невенчаную жену знакомиться с родителями. Уж без этого он не мог; не то мира требовала его душа, не то наследства, не то Марина, стыдясь и сопротивляясь, уж больно завораживающе щебетала насчет свадебного путешествия в великую Англию.

Родители увидели Марину и прибалдели. Они не рассчитывали, что их заурядному сыну может достаться такая милая, обаятельная и домовитая жена. Они смирились, поняли, оценили, растаяли и полюбили будущую невестку. Марина расшибалась в лепешку, угождая им и хлопоча по дому. Это был собственный дом, с камином, о шести комнатах. Еще год

– и она будет леди! англичанкой в Англии и хозяйкой собственного такого дома! Балдея от магазинов и машин, она в благодарности почти полюбила своего британца как кровную часть этого чудесного мира.

Жена тоже увидела Марину и поняла, что проиграла бесповоротно.

Они вместе поплакали, посоревновались в благородстве, что так нетрудно, когда результат все равно ясен, жена рассказала Марине об его хворобах и привычках и просила беречь, а Марина клялась, что всегда сделает для нее все. Они обнялись на прощание и с ненавистью расстались.

Англичанин быстро развелся, и они с Мариной поженились.

Это была первая интернациональная свадьба в Сосновом Бору, кабак сотрясался, родной комбинат приветствовал в понедельник поздравительным транспарантом над проходной и выделил молодоженам трехкомнатную квартиру в новом доме для строителей.

Марина уволилась с работы, теперь она была замужняя леди, грамотно и экономно купила мебель и стала считать дни до окончания контракта. По воскресеньям она ходила на рынок, ее там знали и за мелкие презенты оставляли деликатесы, которыми она потчевала своего англичанина. Он слегка поправился, залоснился и расцвел.

Он был счастлив. Его тут все уважали. Он был персоной грата. Он прекрасно питался. Они на неделю слетали в Сочи

– миллионерский курорт! Он за бесценок купил «фиат» и ежемесячно откладывал приличную сумму.

Марина же методично и тщательно обрывала старые связи. Старая жизнь кончилась, наступала совершенно другая, сияющая, богатая, полная неограниченных возможностей. она штудировала каталоги европейских универмагов и туристские проспекты!

6. Левер понч

Был когда-то в профессиональном боксе такой жаргонный термин, обозначавший сокрушительный вдребезги неожиданный удар; в буквальном переводе это удар ломом.

Итак, срок контракта англичан подошел к концу, и наш англичанин заявил, что ему здесь так прекрасно, что он остается жить в Советском Союзе.

Марина свалилась в обморок, а встав попросила повторить, а то у нее что-то галлюцинации.

– Ты не понимаешь, в какой прекрасной стране вы живете, – проникновенно и отечески сказал англичанин.

– Я-а-а не понимаю?! – изумилась Марина.

– Ты еще девочка, ты ничего в жизни не видела, – ласково сказал муж.

– О господи, – сказала Марина. – Что с тобой, Болтик? Может, мясо на ужин было несвежее?

– У вас очень дешевая жизнь, – сказал англичанин.

– Да уж ничего не стоит, – сказала Марина.

– У вас очень доброжелательные, открытые, общительные люди.

– Ну-ну. Пивка попить не хочешь в день полочки?

Англичанин не понял смысла этого предложения и продолжал:

– Здесь я чувствую себя нужным, полезным.

– Кому ты нужен, скажи?! Кому, кроме меня?! Ну какая, какая с тебя польза!

– Я строю огромный современный комбинат, – сказал англичанин, явно переоценивая роль своей личности в истории.

– А кому нужен твой комбинат?

– Людям, – гордо ответил британец.

– Все люди как люди, а ты как х... на блюде, – неожиданно для себя ляпнула Марина нервно.

Англичанин опять не понял и поинтересовался, что это значит: насколько он слышал, это неприличное слово, не имеющее ничего общего с тарелками и подносами.

– Да уж под нос... – непонятно отозвалась жена, сообщая, насколько всерьез эта напасть и как укрепить поехавшую крышу этому идиоту, жертве ее профессионального умения и советской пропаганды.

Нашла коса на камень. Англичанин тоже решил начать новую жизнь – в новой стране, с новой женой. Поистине, родственные души нашли друг друга.

Терпеливая, вытренированная жизнью, Марина не расцепляла мертвой хватки, рассчитывая укатать его мелкой сапой. Ничего, осмотрится – одумается.

А англичанин увлекся коммунистическими идеалами и с энтузиазмом готовился внести лепту в построение светлого будущего.

Его друзья пожимали плечами, а он звал их зимой в гости, охотиться в Сибири на медведя. Поистине, российская действительность отрицательно сказывается на умственных способностях представителей даже трезвейших наций.

Он сообщил о своем решении руководству, они его радостно обнимали, а после его ухода крутили пальцами у виска, на кой черт он им сдался, и звонили в Москву за указаниями.

В конце концов ему сказали, что раз срок контракта с фирмой истек, они не могут, по нашим законам, нанимать на работу иностранцев.

– Почему? Разве вы не довольны моей работой?

– Что вы, вполне довольны. Но тут масса сложностей с законом.

– И что же мне делать?

В конце концов оказалось, что проблема решается очень просто: нужно иметь постоянную прописку, а для этого нужен советский паспорт, а для этого нужно советское гражданство.

И этот идиот принял советское гражданство и сдал ан-

глийский паспорт.

С Мариной была истерика. Она напилась в лоск, набила морду англичанину, переколотила посуду, которая подешевле, и отправилась ночевать к подруге.

– Да плюнь ты на него, – утешила подруга. – Дурак – он и в Англии дурак. Может, все еще утрясется.

И все действительно утряслось, но не так, как хотелось бы: трясучка была специально обученная, советская.

Во-первых, вдвоем в трехкомнатной квартире их не прописали, а выперли в комнату в коммуналке: откуда ж, знаете, средства каждому рядовому инженеру на двоих с молодой женой давать трехкомнатную-то.

Совершенно сбитый с толку англичанин помогал Марине перевозить мебель и втискивать ее в тринадцатиметровую комнату, пытаясь постичь, что такое «соседи», когда эти «соседи» готовят и обедают в твоей кухне, гадят в твой унитаз и моются в твоей ванной, а тебе мешают спать своей музыкой. Ему пытались объяснить, что на отдельные квартиры очередь, и когда он услышал, что эта очередь – на двенадцать лет, он пошел в управление доброжелательно разобраться в этой странной ошибке и сообщить, что он хочет купить квартиру сейчас, на собственные деньги.

Оказалось, что очередь на покупку квартир, то бишь кооперативов, пять лет, но раньше надо десять лет тут прожить, чтоб получить право покупки, а кроме того, покупать-то ему не на что не только квартиру, но и собачью будку.

Потому что зарплата его оказалась равной ста сорока рублям, согласно тарифной сетки, как специалиста с высшим образованием и стажем работы меньше пяти лет.

Два месяца дурной британец жил в своей комнатухе, получал свои сто сорок, страдал из-за Марининых скандалов и слез и питался черной магазинной картошкой и склизкими макаронами.

Вечера он посвящал финансовым расчетам, делал квадратные глаза и пересчитывал.

– Годдэм! – завопил он наконец на весь квартал. – Но ведь на такие деньги невозможно жить!!!

– Дошло до идиота, – сказала Марина.

– Но почему?

– Потому что социализм, – кратко объяснила Марина.

– В Швеции тоже социализм! – бушевал Болт.

– Поздравь с этим шведскую королеву.

– Раньше мне платили не столько!

– Раньше ты был иностранец.

– А теперь!

– А теперь ты дерьмо.

– Почему я, не иностранец, а гражданин этой страны, теперь дерьмо?!

– Потому что вся эта страна – дерьмо.

– Так уедем отсюда к черту!!! – заорал вновь испеченный гражданин, борясь с отрыжкой и газами в кишечнике.

– Ну наконец-то, – облегченно поздравила Марина. – Те-

перь ты понял, что я заботилась только о тебе? Я-то и здесь могу прожить, я здесь родилась и привыкла, а ты же вырешь, ты же цивилизованный, балда.

Англичанин заплакал над разбитым идеалом и поклялся завтра же начать готовиться к отъезду.

Вот тут-то обнаружился хрен ему в глотку, чтоб голова не болталась.

Потому что если каждый советский гражданин начнет собираться в Англию, то кто останется здесь.

– Простите, а на каком основании вы хотите эмигрировать в Англию?

– Что значит на ком основании? Я хочу там жить!

– Одного желания мало. Есть закон, есть законные основания. Воссоединение семей, скажем. Ваша семья здесь, вы советский гражданин...

Эта сказка про белого бычка крутилась еще несколько месяцев, пока до несчастного не дошло, что обратного пути в Англию ему, советскому гражданину, больше нет.

Он стал рваться к английскому консулу, был перехвачен милицией, отмечен в пикете и строго предупрежден.

Мышеловка захлопнулась крепко.

Когда до несчастной Марины дошло, что Англия накрылась по милости этого беспробудного обалдуя навсегда, она, надо отдать ей справедливость, сразу потеряла к нему всякий интерес. Она отобрала у него получку, продала его золотые запонки и знакомой дорогой отправилась в кабак – отвести

душу.

Со злым весельем предалась она прежнему ремеслу, наставляя англичанину рогов куда больше, чем могло уместиться на его незадачливой голове. Домой она приходила отдыхать и переодеваться.

Доведенный до помешательства англичанин поставил ей однажды синяк, каковой она предъявила в парткоме и профкоме комбината вкупе с грамотной телегой, и англичанина разобрали на профсоюзном собрании и осудили его моральный облик. Он был на грани шизофрении, не в силах осознать происходящее.

– Посажу на два года, – холодно пригрозила Марина, – а сама останусь в этой комнате.

Коллеги сжалились над бедным Болтом и как-то после работы пригласили его с собой выпить.

Он выпил, и ему в самом деле полегчало, безысходные проблемы смягчились в сознании и отошли в туманец на второй план, жить все-таки можно было:

– Да что ты, нормально все, гляди: работа есть? есть. Жилье есть? есть. Получка есть? есть. Жена гуляет? так откоммунизди ее так, чтобы следов не оставалось – по животу, по почкам, понял? хочешь, мужика найдем за бутылку, он ее так уделает, что закается гулять, сука! Да заделай ей ребенка, пусть сидит нянчит. Да ничо, Болтяга, держи морду огурцом, не ссы – прорвемся!

И англичанин, находя отрадное забвение единственно в

этом состоянии, спился с ужасающей скоростью. Он попал в вырезатель раз, другой, его уволили с комбината, построили из жалости вахтером, пил он и на вахте, и быстро научился у магазина сшибать двугривенные, упирая на свое английское происхождение; он сделался достопримечательностью Соснового Бора, любимым, как бывает в деревне любим добрый безвредный дурачок, от которого жизнь как-то интереснее.

Марина продала мебель, оставив голые стены, и решила, что раз Англия не выгорела, надо покорять как минимум Ленинград.

7. Ее университеты

Был такой анекдот:

Профессор филологии посетил публичный дом. И вот после любви, отдыхая с девицей в кровати, он заговорил с ней об единственном, что знал – о литературе. И тут девица проявляет такую начитанность, такую эрудицию и полет мысли необыкновенный, что профессор в изумлении восклицает: «Боже, девушка, что же вы здесь делаете? да вам надо... в университет, на филфак!» На что девица, потупившись от смущения, с неловкой укоризной возражает: «Ах, ну что вы, профессор, меня мама сюда-то еле отпустила...»

Анекдот этот, на филфаке же рожденный, эдакое само-рекламно-циничное удальство, имеет не большее отноше-

ние к действительности, чем женское общежитие лимитчиц – к публичному дому: то есть некоторое отношение все-таки имеет, но довольно преувеличенное.

Как именно Марина поступила на филфак – история умалчивает. Экзамены, говорят, это лотерея; почему ж обязательно лотерея, есть и другие игры, менее известные и более азартные и прибыльные. Мало ли срезалось при поступлении светил-медалистов, и мало ли поступало удивительных серых дятлов, причем, что еще удивительнее – дятлов без связей. Экзамены-то у них принимали в основном такие же дятлы, испытывавшие, вероятно, родственные симпатии к собратьям по интеллектуальному увечью.

Филфак, как известно, не обременяет студента начерталками, анатомиями и прочими сопроматами; трепологический факультет, где более ценится расплывчато-общая культура и умение изящно рассуждать на отвлеченные темы.

Ценится на нем, естественно, как и везде, женская красота – «факультет невест», – но менее, чем на «мужских» факультетах, – по причине именно недостатка мужчин и избытка барышень. Да и мужчина филфаковский редко похож на мужчину: тощ, хил, очкаст, шандарахнут, либо же – будущий загранпереводчик – прилизан, обтекаем и бескостен. Настоящий мужчина, боец и пахарь, в том числе по женской части, среди филологов редкость.

Утром Марина ездила на занятия, балдея от своего статуса и своей учености – студентка университета!!! – а вече-

ром балдела от красивой возвышенной бедности студенческого общежития: четыре койки впритык, чаек с пряниками и мудрые хрестоматии.

Зато суббота после стипендии гудела всеобщей выпивкой и танцами до середины ночи, все площадки и закоулки были заняты парочками, и каждое после этого воскресное утро комендантша Марья Ивановна сволакивала вниз с площадки перед чердачной дверью неистребимый тюфяк, скорбно голося: «Да когда ж прекратится наконец это блядство!..» На что встречный студент постарше обязательно замечал: «Помилуйте, Марья Ивановна, имеет же право студент на половую жизнь», чем неизменно приводил ее в совершеннейшее неистовство.

Марина благополучно сдала первую сессию и с некоторым даже недоверием убедилась, что не тупее многих других. А сдав, несколько расправилась и осмелела: пора было предпринимать конкретные действия по покорению Ленинграда. Пора было подниматься на следующий уровень, ибо жизнь коротка, а молодость ведь еще короче.

Удобнее всего знакомиться на филфаке в читалке, это всем известно. Можно и книгу спросить, и сигарету, и о преподавателе, и все это крайне пристойно – естественно. В читалке Марина и зачала Витю Захарова, пятикурсника-англичанина и члена партии, которому светила вполне заграничная карьера переводчика на приличном месте. А Вите пора пришла жениться, а то несемейного за границу не от-

правят. Правда, жениться рекомендуется на ленинградской прописке, но – бывают варианты...

Короче, Марина его профессионально захомотала, обаяла, поманежила, и в вечер, когда сожительницы отбыли в концерт, культуры питерской набираться, он пришел к ней в комнату в гости. Сначала они поговорили о литературе, потом раскупорили винца, потом поставили музыку, потом зажгли свечку и погасили лампу, потом поцеловались и Марина оттолкнулась, потом она села на кровать, с ногами, а он пересел к ней, а потом они, как пишут в протоколах, вступили в половую связь.

Именно тут раздался стук в дверь, дверь распахнулась, щелкнул выключатель, яркий неуместный свет вытарасился на великое таинство любви, и так что протокол здесь упомянут совсем не в качестве изыска стиля. Потому что в комнату вдавилась в полном составе комиссия парткома и с негодованием уставилась на голый зад члена партии пятикурсника Захарова.

Вот так возникает импотенция на базе психического расстройства.

– Эт-то что такое?! – загремел прокурор – председатель комиссии Шонька. Хавло Шоньки прямо как близнец походило на захаровский зад – как формой и объемом, так и степенью выраженного интеллекта, так что если нацепить на зад роговые очки, можно получить полное впечатление о внешности доцента Шонина.

– И двери не закрыли, – со скрытой укоризной сказал Алик Скуратов, кандидат с внешностью молодого Робинзона Крузо.

Налицо была та самая аморальность, с которой и была призвана бороться парткомиссия в своих общежитских рейдах.

– Вы нескромны, – хладнокровно возразила Марина, спихнув с себя коммуниста Захарова и натянув простыню. – Мы совершеннолетние, и я у себя дома.

Шонька раздулся до размеров стратостата «СССР-1». И взмыл в предназначенную ему идеологическую стратосферу.

– Иконы на стенах! – завопил он, тыча сосисочным пальцем.

Скуратов покраснел. Иконой была огоньковская репродукция «Сикстинской Мадонны».

– Это Рафаэль, – высокомерно объяснила образованная студентка Марина.

– А это, видимо, Рембрандт! – орал Шонька, указывая на путающегося ногами в рукавах рубашки Захарова. – Снять! – приказал он.

Захаров посмотрел на него готовно и затравленно и снял рубашку с ног обратно.

– Да не это! это надеть! со стенки снять!

В коридоре перед дверью выросла небольшая интересующаяся толпа. Через эту толпу тихо проталкивались сожительницы, вернувшиеся с концерта.

– Тьфу, – сказала Марина. – Вот и вся демографическая ситуация. Вас, должно быть, папа с мамой сделали рубанком из полена. Толстое же им попало полено, – не удержавшись, добавила она.

Комиссия перехрюкнулась. Шонька посинел. Марина попросила всех выйти вон и дать ей одеться.

– Произведения искусства не снимем, – заявили подруги. – Стыдно не знать, что это такое.

– Все будете лишены общежития! – трясся Шонька мелким студнем.

Когда стих шум великой битвы и комиссия удалилась готовить кары, подруги заварили чаек и посочувствовали Марине с некоторой неприязнью девушек порядочных к девушке непорядочной:

– Как ты двери-то не закрыла?

– О любви надо думать, а не о замках, – гордо сказала Марина.

– А чего теперь-то вздыхаешь?

– Кончить не дали, – пожаловалась она.

Прелюбодеев выселили из общежития, на месяц лишили стипендии и «строго предупредили» за поведение, порочащее звание «советского студента».

– Готова дать подписку об отказе от женского образа жизни вплоть до победы мировой революции, – на голубом глазу заявила Марина.

Подпортивший свой «облико морале» Захаров был поте-

рян безвозвратно. Как незнаком с ней держался.

8. Джорджи

Через месяц Марина стала самой знаменитой девушкой на филфаке. В отраженном блеске мировой знаменитости ослепительно вспыхнула ее грешная звезда.

Знаменитость пела сладко и пылко и звалась Джорджи Марьяновичем. Юные ленинградки ломились на его концерты, теряя туфли и пуговицы, и в душных огромных залах внимали чарам волшебника до оргазма.

Марина пошла на бастион грудью. Она не метала свой букет на сцену, как противотанковую гранату, – она лично пробилась сквозь строй соперниц, взошла наверх и преподнесла цветы со светским поклоном. Ловя поцелуй в щечку, в последний миг подставила губы и наградила вспотевшего после выступления Марьяновича таким засосом, что на минуту он забыл все ноты.

– Как жаль, что у меня завтра рано лекции в университете, – строго сказала она и сделала движение уйти.

– Вы шекспировский герой, – добавила она, разворачиваясь грудью в наивыгоднейшем ракурсе.

Марьянович примерно знал, кто такой Шекспир. Это было несколько выше уровня его интеллигентности.

Его переводчицей была пятикурсница с филфака. Марина навела с ней контакт и в благодарность сперла интури-

стовскую бирку, дающую свободный проход в гостиницы. Направляясь спать в свой номер «Европейской», Марьянович наткнулся в коридоре на Марину, читающую толстенный том.

– Меня интересует крайне высокий литературный уровень текстов ваших песен, – сказала она.

– Все эти поэты – идиоты, – сказал Марьянович.

– Просто они не видят в своих стихах то, что умеете увидеть вы, – возразила Марина.

Потрясенный Марьянович попытался осмыслить услышанное и пригласил Марину в номер.

– Уже слишком поздно, – заметила она, внимательно следя, чтобы на этот раз дверь защелкнулась.

– Я не пью, – отказалась она и хлопнула полстакана коньяка.

– Я влюблена только в литературу, – предупредила она, нежно глядя Марьяновича по щеке.

– Я никогда не буду вашей, – поклялась она, помогая Марьяновичу раздевать ее.

Потом в ванной они играли в «кораблики», и она издевательски наслаждалась разговором о литературе. Непривычный к подобному изыску певец пучил глаза и выпевал дифирамбы русской душе и русской культуре.

Назавтра Марьянович удостоился в антракте вежливого разговора со скромным музыковедом в штатском.

– Я уважаю ее как человека! как культурную, образован-

ную женщину! – возмущенно заявил он.

Марина же в ответ на грозные предупреждения факультетского кэргэбэшника оскорбленно отвечала:

– Мы говорили о музыке Чайковского.

Знакомые, малознакомые и вовсе незнакомые жили их упоительным романом. Она провожала его в аэропорту; она уже вошла в высокий мир искусства и зарубежных гастролей! щелкали фотокамеры; Джорджи артистично промакивал глаза. И улетел восвояси, скотина такая, наобещав с три короба: Париж, Греция, отели, машины и казино.

Вслед за чем Марину без треска и бесповоротно вышибли из Университета.

9. Пожар в Европе

Подобрали ее фарцовые мальчики легендарного Фимы Бляйшица. Подобрали, обогрели и приставили к делу.

А дело было такое: они за Выборгом тормозили автобусы с финнами тряпки фарцевать, а Марина тем временем оказывала интуристам услуги иного рода, женского: комплексное обслуживание. Чего же зря деньгам залеживаться: плюс сотня марок с головы, исполнительнице – четверть, организаторам – остальное. Вернее, конечно, не с головы, а... ну, ясно.

Сдельная оплата стимулирует производительность труда. Быстро усвоив эту экономическую истину, Марина освоила

прогрессивную французскую технологию. Без сомнений, она была талантливым работником. И легенда о ней проникла на Невский тогда, когда впервые финский автобус достиг Ленинграда, обслуженный поголовно.

Это тяжелый труд, и вечерами восходящая звезда культурно отдыхала в каком-нибудь ресторане на Невском...

А на Невском в те времена, господа-товарищи, давали за десять финских марок три рубля – советских, деревянненьких. Не то рупь был здоровый, не то марка хилая, не то менялы глупые, а только откуда ж взяться при таком-то обменном курсе разгулу и расцвету валютной проституции. И секс был нам чужд как буржуазная отрыжка. Правда, и отрыжка бывает приятной – смотря чем угощался.

С другой стороны, Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович, писатель столь исконно и глубоко российский, что временные пертурбации на остроте его творчества никак не сказываются, еще сто лет назад отметил: «Финны по природе своей трезвенники, но попадая в Петербург, упиваются обычно до совершенного освинения». Марина по филфак-ской программе до Щедрина не дошла и к постижению классической мудрости возвысилась собственным скромным опытом; что бесспорно делает ей честь, хотя и не ту, которой она лишалась, приобретая этот опыт.

Турмалаи между прочим снимались в кабаке. Дополнительная прелесть состояла в том, что к ответственному моменту они походили скорее на упомянутых хрюкающих

непарнокопытных, нежели на жеребцов, и были уже абсолютно неспособны к тому, за что однако и расплачивались со скандинавской честностью.

Но тот длинный рыжий финн из «Европы» был просто какой-то ударник капиталистического труда. С крестьянским упорством он вбивал в себя рюмку за рюмкой и только шире тарасил голубые глаза, в которых уже мерцала водка. Если огурец, по утверждениям ботаников, на девяносто семь процентов состоит из воды, то финн, сравнившись цветом с вышеозначенным огурцом, состоял на девяносто семь процентов из водки. Иногда он отрывал руку от рюмки, чтобы проверить внимательно, на месте ли Маринины бедра, достичь обладания которыми и представлялось ему конечной целью наливания. Второй рукой он держался за стол, как воздухоплаватель – за край гондолы.

– Господи, и куда ты ее сливаешь? – не выдержала Марина, посасывая свое шампанское.

– Сливаю? в деревянную ногу, – объяснил финн.

Марина ошарашенно пощупала его ноги:

– Тьфу! чуть не поверила. Ничего ноги не деревянные.

– Да? А мне казалось, – удивился финн. – Тогда в деревянный...

– Э. Нет у тебя ничего деревянного, – пренебрежительно убедила она.

– А это уже твоя забота, – на удивление трезво рассудил клиент.

Очевидно, на последние три процента его организм состоял из стали, потому что после закрытия ресторана он отпустил стол и твердо взялся за круглую Маринину ягодицу, и в такой не совсем удобной, но однозначно решительной позе был прибуксирован в свой номер. Одна рука у него, значит, была опорная, а другая – питейно-курительная: рюмку он сменил на сигару, которые стал высаживать одну за другой.

И Марина отработала свою зарплату тяжелее, чем с целым автобусом, тяжелее, чем ткачиха на двадцати четырех станках в последний день годового плана. Отпрыск пахарей и лесорубов был жилист, как трос, и неумомим, как мельница.

– Я думал, русские женщины горячие, – беспардонно заявил он, придымливая шестую сигару.

– Я те устрою небо в алмазах, – злобно пообещала Марина.

Да есть ли на свете такая сила, которая превозможет русскую силу, справедливо воскликнул другой гениальный русский классик, Гоголь. И он был, конечно, прав. Потому что к пяти часам утра назойливый суомский ездок являл собой бездыханное тело, лишённое скелетного остова. Гавана слала дымок из сжатых челюстей. Алкогольная капля сползла из глазницы. Постель напоминала белый флаг, выдранный из вальков прачечной линии.

Дрожащими пальцами Марина отсчитала из бумажника свой гонорар, отдышалась под душем и, пошатываясь, ушла

в предрассветный мороз.

Что русскому здорово, то немцу смерть. Ну почему ж только немцу, не соглашается история. И наш случай – лишнее тому историческое подтверждение. Потому что спал укатанный финн мертвецким сном, вкусив сверх меры того, чего нет крепче, – русской водки и русской бабы; спал, а прославленного качества гаванская сигара, привет пламенного Фиделя, продолжала исправно куриться, даже когда финн, захрапев, выпустил ее изо рта и она скатилась на ковер. Да не бухарский был коврик, не персидский – синтетический. А не кури при синтетическом ковре престижную гаванскую регалию, не по чину. Черное пятнышко расплзлось под багряной боеголовкой сигары, расплзлось и лопнуло, и края ширящейся дырки вспыхнули желто-синим вонючим огоньком. Плавно достиг тот огонек края нейлоновой занавески и угла нитролаком крытой тумбочки, и бумажных стенных обоев, и запылало все весело и могуче.

Коридорная спала, дымок почти не пробивался за плотную дверь номера, улица была пуста в глухой час, и только ранние повара на кухне «Крыши», где кабак готовили к завтраку, поморщили носы от нестандартной вони из вентиляции. Вонь приобрела дымную видимость и аварийную концентрацию, слышались вопли и топот, зазвенели разбитые стекла, и когда воюющие пожарные машины влетели в улицу Бродского (но не того, который нобелевский лауреат, а того, который Ленина рисовал): радужное пламя лупило

из верхнего этажа, с муравьиной суетливостью выволакивали пожитки иностранцы, а по крыше гостиницы бегали три друга-богатыря, три повара в белых курточках и белых колпаках, крыли с небес матом и истошно требовали вертолет для спасения: дым синтетики вообще влияет на мозги.

Пожарные зычно обматерили одуревших и вороватых поваров, потом споро перекачали на крышу гостиницы сотню тонн воды из магистрали, все не успевшее сгореть было хорошо затоплено, сосульки свесились с почерневших лепных карнизов, и с тем притон тлетворного иностранного влияния надолго вышел из строя, встав на капитальный ремонт. Старожилы помнят это замечательное утро.

10. Куртизанка КГБ

При каждой гостинице, в каждом интуристовском кабаке, сидели гэбэшники: по штату надзирали за контактами иностранцев с совками. Они бесплатно пили и бесплатно закусывали. Фарцовщики дарили им джинсы и часы «Сейко», бармены снабжали американскими сигаретами, а проститутки делились деньгами. Хорошо быть стукачом.

Отстегивала им и Марина налог на государственную безопасность.

И тут в баре «Октябрьской» стиснули ее под локоток и приказали, чтобы спокойно и без шума. И спокойно и без шума привезли на Литейный. В Большой, стало быть, Дом.

В животе у Марины сделалось худо. А кому там делалось хорошо. Не санаторий.

– Что, красавица, грохнула турмаша? – осведомился улыбочивый молодой комитетчик, откинувшись за столом.

Марина прикинула, что ей шьют, завибрировала и взвилась.

– Убийство и грабеж иностранного гражданина, – поцокал удовлетворенно комитетчик. – А гостиница? Это ж на сколько миллионов ты сожгла народного достояния!..

– Я его не трогала! – шепотом закричала Марина.

– Уж не трогала. Облико морале, – вздохнул комитетчик: – тунеядка, проститутка, валютчица. Бомж.

Марина пустила беззащитную слезу социальной жертвы. Комитетчик раскрыл папку и ознакомил Марину со славными вехами ее боевого пути. Слеза высохла.

– Да на кой черт мне его убивать!!!

– А вот это ты сейчас и расскажешь.

Через час она подписала добровольное сотрудничество с органами. Вступать в контакт с указанными лицами. Собрать и передавать информацию на поставленные темы. Строгое неразглашение. Агентурная кличка «Рябина».

– Я знал, что вы все-таки советский человек.

– А то какой же, – угрюмо подтвердила Марина.

– Языком владеешь?

Марина покраснела.

– Английским, дура! Отправишься на курсы. Я из тебя

переводчицу сделаю, поняла? Возможности перед тобой откроются. Но – смотри!

...Первым объектом явился шведский инженерик. Когда в «Астории» его попыталась снять конкурентка, приблизился неприметный мужичок и одной фразой вымел ее за дверь.

Шведик вел себя – прелесть. Возил на «вольво», дарил парфюмерию, знакомил с партнерами. Но все ее попытки заговаривать об его работе неукоснительно игнорировал.

– Ну ничего ж по делу не сказал, дубина, – пожаловалась она, когда пришла пора сдавать отчет.

Ее патрон хмуровато повертел пепельницу:

– Что значит – ничего?.. Бери бумагу – пиши!

– Чего писать?..

– Говорил, что строительство в порту начнется... – и продиктовал ей текст, за который немедленно хотелось дать звание майора разведки. – Подпись. Число. Поняла?

– Поняла... – похлопала ресницами Марина.

– И не вздумай!..

– Не вздумаю, – пообещала она.

– Главное – работа, – завершил патрон. – Чтоб был виден результат усилий. Это будет оценено. А то – «не-е чего...»

И по следующему объекту, толстому шумному немцу, Марина выдала такой результат, что немца нужно было бы судить нюрнбергским трибуналом. Отчет вернулся к ней, пестрея красной редактурой.

– Охренела? Не зарывайся, сгоришь. Скромнее, девушка.

Марина поняла службу – поперла лафа. Поднаторев в составлении отчетов, она наслаждалась безнаказанностью: шикуй, еще и спасибо скажут.

Через полгода она купила двухкомнатную кооперативную квартиру. Швейцары приветствовали ее зеленую «Волгу». Первой в Ленинграде обрела она статус «дамы для сопровождения деловых людей». Такое сопровождение стоит дорого, и деловые люди были недешевые.

– Старуха, ты живешь на стольник в день, – предостерег ее при встрече сам Фима Бляйшиц. В те времена это была нормальная месячная зарплата, баснословные деньги. Но она ждала своего часа.

11. Шейх в «Мерседесе»

Шейх был девяносто шестой пробы и выглядел как родной брат Ясира Арафата. Он ослеплял белым бурнусом и накидкой с обручем на голове, как там это у них называется. Шейх занимал четыре люкс-апартамента в «Астории». Шейх имел гешефт с нефтью, как все порядочные шейхи (продавал), и с оружием (покупал, естественно). И где-то там у себя в аравийских пустынях имел большой вес. Не то он был потомком Магомета, не то родственником самого Аллаха по боковой линии, не то намеревался сдать в своем шейхстве бархан под нашу военную базу, но только облизывали его в Ленинграде с ног до головы.

Марина была грамотно подставлена под него на банкете в горисполкоме. Она оценила задачу, вычислила перспективы, и пустила в действие всю мегатонную мощь своего отточенного сексуального обаяния. Араб был повержен, повержен, повержен! Утром Марине с поклонами подали турецкий кофе в постель его апартамента.

Шейх, небедный человек Востока, познал таки в долгой жизни разнообразных удовольствий, но бриллиант такой воды узрел впервые: у шейха произошло легкое расходящееся косоглазие. Глаза отказывались сходиться параллельно, и шейх отказывался расставаться с Мариной. Славянский шарм и интеллектуальные экскурсии вкупе с английским языком и постельными изысками приводили его высочество в неистовство. Усики его топорщились, лысинка потела, глаза горели в разные стороны, и в каждом глазе отражалось по Марине.

В арабском мире, как утверждает печать, постоянно случаются разнообразнейшие скандальные происшествия. Среди прочей ахинеи имело в тот год намерение шейха сделать Марину царицей своего сердца и своей души, а равно и всего прочего имущества. Иначе она не соглашалась. Титанические терзания ее гордости компенсировались шейхом незамедлительно.

Он одарил ее собольей шубейкой, купленной в «Березке», и килограммом золотых украшений, доставленных из дому. Она обязана озарить своим блеском его шейхство. Старых

жен он собирался выгнать, продать, подарить, утопить, зарезать, послать учиться в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

И вот тогда – и вот тогда! – Марина вздохнула полной грудью. Всей своей полной красивой грудью. Она добилась своего.

Много лет, сжав зубы, преодолевая неудачи и преодолевая все препятствия, шла она, храбрый солдатик любви и удачи, к заветной цели. Еще молода и красива, еще полна страстей и желаний, – она ее достигла.

Олимп лежал у ее ног в теплом свечении золота и лазурных морей.

«Мерседес» пожелала Марина.

Хвостиком взмахнула золотая рыбка:

– Завтра, любовь моя.

В тот же час отбыл из Хельсинки, вдавливая педаль акселератора, перегонщик в люксовом «мерседесе» последней модели, и утром лимузин красовался под окнами их апартамента, сверкая лаком и никелем.

Свадебное путешествие в Париж заказала Марина, и через час шейху гарантировали к концу визита загранпаспорт для нее.

И тогда исчезли границы ее желаний, и величественное равнодушие небожительницы проступило в ней.

В ту неделю и всплыла на уста млеющего в летнем зное Невского изменчивая легенда ее жизни. В серебристом

«мерседесе» неслась она по проспекту, и пассажиры троллейбусов пялили глаза в окна вниз: водительница была одета в автомобильные перчатки и золотое кольцо, и ни во что более. Гаишники останавливали ее пожрать глазами и получить милостивую сторублевку: они тоже все знали.

Запахнувшись в соболиную шубу, всплыла она в «Восточные сладости» и чеканно прозвенела через головы:

– Продавец! У вас все сладости продаются?

– Ну, – отреагировала продавщица. – А вам чего?

– Сколько стоит это? – бестрепетный пальчик указал на юного красавчика-брюнета из очереди.

– Это? рублей тысячу, – ухмыльнулась продавщица с плотоядным пониманием.

– Получите, – Марина пустила за стекло кассы веер бумажек и взяла красавчика за руку: – Забираю покупку.

Он побагровел и сияя последовал за владелицей. Шуба распахнулась. Старухи охнули и заголосили. Мужики застонали. Прохожие столбенели и кричали. Пыль взвилась за лимузином: царица совершила мимолетную покупку.

Она сняла зал в «Неве»; официанты были куплены; в заключение пира, среди развороченных гор икры и ананасов, шестеро молодцев выволокли ванну, ее наполнили шампанским, Марина содрала платье от Диора и нырнула в искристую пену.

Наутро она исчезла.

Шейх проснулся в царской постели один.

Поиск был безуспешен.

Ничто из его вещей не было тронуту. Все покоилось на месте и в квартире Марины. Растворились в небытие серебристый «мерседес», соболина шуба, подаренные драгоценности и она сама.

Шейх бился в международной истерике. Угрозыск падал с ног.

Передавали, что она рванула через финскую границу, подкупив пограничников и таможеню, связанных с мафией Фимы Бляйшица. Фима категорически отрицал такой вариант.

Без надежды искали «мерседес» на Кавказе, куда его могли продать возможные убийцы. И смутно подозревали в исчезновении интересы всемогущего КГБ, но эта версия выяснению не поддавалась.

Марина, достигнув сияющей выси, растаяла в ней бесследно.

Пристрастно допрашивали среди прочих и мальчика из «Восточных сладостей», который был при ней в последний вечер. На вопрос, что она делала, когда они расстались в последний раз, мальчик подумал, вздохнул и сказал:

– Она плакала.

Легенда о стажере

Советский человек и иностранные языки – это тема отдельного разговора. Когда в шестидесятые стали расширять международные связи, оказалось, что языков у нас никто не знает. Что прекрасно характеризует работу КГБ, начисто отучившее поголовье населения от общения с иностранцами. Даже студенты-филологи языковых отделений имели по программе часов языка столько же, сколько марксизма-ленинизма. И то и другое им не полагалось знать лучше своих преподавателей. Но если от общения с Марксом и Лениным они были гарантированы, и здесь критерием истины служила оценка, то иностранцы их сданный на пять с плюсом язык не понимали в упор. А уж они иностранцев и подавно; программа была составлена таким образом, что понимать они могли друг с другом только преподавателей. Дело было налажено столь научно, что дочки советских офицеров из Германии поступали на немецкое отделение Университета, свободно чирикавая по-немецки, и после пяти лет обучения с преподавателями специальной квалификации и с научными степенями, по утверждению Министерством высшего образования методике, квакали по-немецки с чудовищным акцентом и мучительным трудом. С кем поведешься, от того и наберешься.

Исходили из того, что язык, как и вообще любая наука –

дело наживное и не самое главное. Главное – чтоб человек был хороший: наш, правильный. Как было записано во всех методиках – что такое советский специалист? во-первых, это специалист, овладевший в полном объеме марксистско-ленинским мировоззрением, и уже во-вторых всем остальным. Именно вот так это было записано, черным по белому, и никакого преувеличения, шаржа и прочего стеба здесь нет. Правда; суровая правда.

И вот жил не тужил здоровый парень, мастер спорта по вольной борьбе в семидесяти килограммах и чемпион какой-то области. Его отрыли в Краснодаре. А любой вуз охотился за спортсменами – надо выступать на соревнованиях и спартакиадах, занимать места. У спортивной кафедры свой собственный план по подготовке разрядников, кубкам и медалям, и даже есть на то специальный проректор по спорту.

А проректором Ленинградского университета по спорту был тогда бывший знаменитый боксер Геннадий Шатков. О нем есть отдельная история. Он был полутяжем и в свой звездный час в шестидесятом году на Римской Олимпиаде вышел в финал. И тут его звезда угодила под колотуху семнадцатилетнего Кассиуса Клея. Клей его отбуцкал с ужасной силой, и после этого Шатков с ринга сошел – стал падать и страдать головными болями. И в университете его любили и к мнению прислушивались. Он блюл спортивную славу.

Борцу-вольнику объяснили все преимущества университетского образования: Ленинград, общага, стипендия, име-

нитые тренеры и автоматическое зачисление в сборную «Буревестника». Тогда все спортсмены числились или студентами, или кладовщиками; кроме ЦСКА, которые считались офицерами.

Ну, по части естественных наук борец умел качать шею и стоять на мосте. Дважды два знал твердо, но пестики с тычинками уже путал: ни уха ни рыла. Поэтому всех спортсменов зачисляли на что-нибудь такое трепологическое, гуманитарное, где знания сугубо условны и соображать не требуется. И, распределяя их по необременительным факультетам, борца записали на филфак. А уже там его сунули на французское отделение. Может, замдекана по студентам читал в детстве про французскую борьбу, может, потому, что на русском и английском уже были гимнастка и боксер, но только он стал студентом французского отделения.

Он к этому языку относился, как партизан восемьсот двенадцатого года к недобитому французскому парикмахеру. Всем по восемнадцать лет – ему двадцать четыре, давно после армии. Родом из глухомани, крепыш-самородок, здоровеннейший парняга. Он по-французски выписал на шпаргалку три ключевые слова – «бонжур», «пардон» и «мерси». С этими волшебными словами он раз в семестр показывался с зачеткой получить свой «уд.», предъявляя записочку от Шаткова, а стипендия за ним была закреплена как за передовиком спорта. И пока эти недоделки выламывали перед зеркальцем язык, овладевая фонетикой, он защищал честь

ихнего Университета, исправно побеждая на всех соревнованиях.

А пока он пыхтел на ковре и ломал уши, расширяются, значит, международные связи. Начинается культурный обмен студентами: мы – вам, вы – нам. Обмен, конечно, неравноценный, даже жульнический: мы им – овладевших передовым учением, они нам – идеологических уродов, буржуйских недорослей. Наши, конечно – тяжело в ученье, легко в бою! – рвутся в бой и ученье на территории врага. Центральные языковые вузы получают разнарядки на стажировку в разные хорошие страны. И отличная учеба начинает пахнуть заграничным пряником.

И на университетский филфак спускается по такой разнарядке одно место в университет Сорбонны, в Париж. Для студента-француза. Стажировка на шесть месяцев.

По отделению разносится этот слух, и все начинают вибрировать!.. прикидывают свои шансы. Отчаянно зубрят французский и историю с географией Франции, политику французской компартии и биографию товарища Мориса Тореза; и до сотых долей высчитывают свой средний балл по языку за весь период обучения. А борец тягает штангу в зале и разминает на ковре свою шею сорок пятого размера. Хрен ли ему Сорбонна, у него на носу спартакиада в Днепропетровске.

Ну-с, собирается деканат вкупе с романской кафедрой, и приступают к селекции: кто дозрел, кого отправить. Момент

ответственный и непростой.

Во-первых, отпадает первый курс – зелень, это еще не студенты. Во-вторых, по аналогичной причине не годится и второй курс – мало знают. В-третьих, пятый курс: им уже дипломы писать надо, и кроме того у них уже сданы все экзамены за университетский курс, кроме выпускного марксизма – а это значит, что по западным меркам они квалифицированные специалисты, бакалавры, имеют право где угодно работать по специальности – и этот факт не в пользу отправки за границу: а ну как устроятся там и останутся; рекомендовано воздержаться. Остаются лишь третий-четвертый курсы, предпочтительно – четвертый, они хоть что-то знают.

Дальше: девочек посылать не рекомендовано. Они склонны в этом возрасте выходить замуж, и вообще легче поддаются под влияние; нужны мужчины. И таким образом отпадает еще три четверти кандидатов – филфак всегда был факультетом преимущественно женским, цветником прелестниц.

Остается кандидатур – по пальцам пересчитать, и пальцы эти загибаются один за другим. Значит – евреев посылать нельзя. Минус два. Некомсомольцев посылать нельзя. Минус один. Больных, кривых, убогих – посылать нельзя: во-первых, по ним составят искаженное представление об облике великого советского народа, во-вторых – если они там захворают, кто будет валютой оплачивать лечение? в-третьих – а не предписано, и дело с концом. А на гуманитарных факультетах, заметим, нормальных здоровых мужиков и все-

гда-то было немного – все больше с каким-то вывихом и креном, блаженненьких. И то рассудить – не мужская специальность, ни денег ни карьеры стоящих.

А лучше всего посылать члена партии. Причем не мальчика, но зрелого мужа, морально проверенного, политически воспитанного, испытанной твердости в убеждениях.

И комиссия с некоторым даже удивлением обнаруживает, что посылать в Париж совершенно некого, кроме борца. Народу, вроде, полно, а посылать больше – некого.

Кафедра ропщет: позвольте, но он же ни бельмеса по-французски! Он же спортсмен. Он же не ведает, в какой стороне та Франция находится! Он вообще считает, что это парфюмерная фабрика женского белья, а Наполеон был гитлеровским генералом.

А секретарь партбюро отвечает: что он не знает французского – это уже ваша вина! и мы с вас спросим. Чему вы его три года учили? А человек – наш, советский. Прекрасная армейская характеристика, член партбюро курса, отличный спортсмен; в порочащих связях не замечен. Защищает повсюду спортивную честь родного университета. А вот плохие преподаватели университету чести не делают!

И этому обалдую сообщают, что он едет на полгода в Париж. И он это спокойно воспринимает, как естественное обстоятельство университетской жизни – Париж так Париж. Не зря же, в конце концов, он дал себя уговорить в это идиотское заведение, где всякие хилые недоделки над ним еще

иногда издеваются!

Он пропускается через все шестеренки подготовительных инструктажей: не пить! в половые связи не вступать под страхом смерти! но с собой иметь презервативы! контакты с иностранцами только по учебе!! по любым вопросам обращаться к председателю советского землячества при советском консульстве! вечерами по улицам не ходить, в десять часов возвращаться в общежитие! на провокации не поддаваться, с белоэмигрантами не встречаться ни в ком случае! В дискуссии не вступать, но если навяжут – умело и аргументированно доказывать преимущества социалистического строя!

Кругом студенты дергаются, ворошат шпаргалками с фамилиями лидеров мирового коммунизма, а он сидит флегматично, дремлет, и на все увещевания только гудит мирно:

– Разве ж я не понимаю... Не пацан какой. Вот и замполит нам в армии говорил тоже... – И очень это упоминание о замполите на всех действует убедительно и успокаивает.

И только тренер, такой же простой мужик, ему сказал со вздохом на прощание мудро:

– Все, Васька, пропал ты для большого спорта. Жаль – перспективный парень, мог бы до чемпионов дойти больших. Ладно – вернешься если... поставь бутылку.

И вот наш борец, с чемоданчиком пожитков и нищими франками, в группе счастливцев прибывает в Париж. Селят их в кампус. И первым делом зовут на собрание советского землячества.

И председатель землячества, штатный кадр КГБ, повторяет знакомый инструктаж, но уже в тех тонах, что изощренный враг притаился за каждый кустом. Что главная задача Франции – завербовать их в свои шпионы и выведать секретные сведения: а иначе зачем бы, вы думали, вы им нужны?! Зря деньги на вас тратить?!

Все молчат, все понимают, и только наш борец гудит:

– Точно... вот и нам в армии замполит говорил...

И председатель сразу проникается доверием к этому простому и надежному русскому парню.

– Есть, – говорит, – настоящие студенты! Без этой, знаете, прямо скажу, интеллигентской гнильцы! Вот что значит – из Ленинграда, сразу видно... колыбель революции!

– Короче – разойдитесь, товарищи, скоро ужин, потом разложите вещи, почитайте немного, и – спать! С дороги надо отдохнуть. Перед сном пройду по комнатам – лично проверю, чтоб все были на местах. Вы тут еще новенькие, ничего не знаете, вот месяцок пройдет – тогда можно будет и в город сходить в увольнение... в смысле на экскурсию, посмотреть. Закажем автобус, посетим музей Ленина, кладбище Пер-Лашез – не волнуйтесь, и до Лувра очередь дойдет: познакомим вас со всеми достопримечательностями французской столицы. В организованном порядке. Вопросы есть? Вольно, разойдись.

Наш борец назначается помощником председателя по новичкам. А поскольку в армии он был сержантом, то коман-

дует – у председателя сердце радуется. Хотел своих по корпусам строим в ногу повести, но председатель уж остановил это похвальное, но излишнее рвение: французы могут не понять – Европа...

А в комнате наш задумывается, смотрит в окно, пересчитывает свои тощие франки. Соображение такое, что раз уж он начальник, то надо использовать преимущества своего положения. В частности, насчет свободы выхода за пределы гарнизона. Главное – чтоб порядок во вверенном подразделении был наведен. Обходит по списочку все комнаты со своими и наставляет, что в десять часов отбой, положение, можно сказать, военное, и дисциплина должна быть соответствующая, кругом буржуазное окружение, а кто против – завтра же полетит домой.

Вот же падла на нашу голову, думают несчастные стажеры, но возражать боятся.

А сержант-борец, подкрутив гайки подчиненным, идет отдохнуть на свежий воздух. И к десяти не возвращается. И к завтраку не возвращается.

И вообще не возвращается.

И председатель землячества с ненавистью прикидывает, сообщать ли ему в консульство и куда надо о ЧП, или лучше подождать еще, может, все само утрясется... придет, скотина. Очень нужны ему пятна и накладки в послужном списке – студентам-то что, а у него служба! у него своя карьера! все сволочи эти интеллигенты, и армия им не поможет. Вот от-

дай хорошего парня в университет – и пищи пропало. Разложит его это гнилье!

А наш борец вечером поглядел на часы и старательно высчитал, что вполне успеет сесть на автобус и погулять чуток по центру Парижа. Он с крестьянским здравомыслием рассудил, что французского он не знает, завтра же на первом занятии это выяснится, и его, уличенного во французской непригодности, антикоммунисты-французы вернут к черту отправителю: чего это вы нам подсунули? Семь бед – один ответ, так надо ж пока попользоваться чем можно. Не зря ж он здесь. Что друзьям-то расскажет? Вообще ему было на все на это наплевать, он был мастер спорта, и его всегда возьмет любое спортивное общество. А в Париже его интересовали исключительно парижские проститутки, французская выпивка и плюнуть вниз с Эйфелевой башни. Такая скромная программа-минимум. Более ему о славной столице Франции все равно ничего не было известно.

Он пришел на остановку, спросил у подошедшего автобуса: «Париж?» Ему ответили – ла-ла-ла, Париж! Он доехал, похоже, до центра, и начал пешую прогулку. Комплексами он не страдал, нервная система отличалась тренированной стабильностью, и обалдения от заграницы он никакого не испытывал. Скорее, раздражала – говор кругом дурацкий, выпендриваются. Так что из ощущений присутствовало только, что подобает случаю выпить.

Увидел вывеску «Ресторант» – вот и остограммимся! Наро-

ду нет, помещение маленькое: клетчатые скатерки, настольные лампы – скромный такой ресторанчик; гадюшник, а чистенько. То, что надо. Сел и сказал гарсону: «Коньяк». Гарсон принес рюмку. Он сглотнул рюмку, придержал гарсона за рукав и изобразил пальцами, что он подразумевает под словом «коньяк». Гарсон сказал: «Ви, мсье», и принес двойной коньяк. Он сглотнул двойной – шестьдесят-то граммов! лягушатники! – придержал гарсона за рукав, и стал втолковывать этому недоумку, что имел в виду бутылку, черт возьми! Что он – за рюмкой из эдакой дали приперся? И что-нибудь закусить.

Гарсон склонил птичью голову и начал чирикать. Наш борец раздраженно нарисовал на меню бутылку и ткнул вразумительный рисунок ему в лицо, пристукнув по середине стола: чтоб, мол, вот такая была здесь!

Гарсон сделал уважительное лицо и притаранил бокастый темный пузырь, весь в паутине. Наш понял, что залетел в паршивого пошиба забегаловку, где норовят сбить чужаку заваливший хлам, неликвиды. Зараза! Хрен с ним... Обтер пузырь салфеткой, сунул ее грубо гарсону – твоя вообще-то работа! Гарсон благоговейно распечатал, повертел перед борцом на тарелочке вынутую пробку с буквами, и налил в большой бокал на самое доньшко. Наш с улыбкой наложил свою лапу на его ручку и долил доверху. Гарсон выпучился и пискнул. Эх! Наш шарахнул, крикнул, понюхал скатерть и пощелкал пальцами – неси жрать. Гарсон дернул кадыком и

показал меню – что, мол, прикажете? Тот – пальцем в гущу строчек: раз, два и три – это неси! Одна гуляем! И получил под нос яства: спаржу, устрицы и лягушачьи лапки.

Отодвинул он эту дрянь, пригорюнился, и стал думать, как по-французски «мясо». Мясо он не вспомнил, и стал вспоминать «хлеб». А за соседним столиком изящная дама кушает что-то вроде мясной подливки. Пахнет ничего, съедобно. Наш тычет в направлении этой подливки и растопыривает четыре пальца – неси, значит, четыре порции, как-нибудь подхарчимся.

И начал он пировать по-французски: выпьет – закусит – посмотрит по сторонам. Сейчас еще захмелимся – и пойдем пошарим, где тут девчонки есть.

А дама поглядывает на него, и вроде даже мельком улыбается. А ничего, в общем, дама. Одета простовато, но смотрится ничего. И не старуха еще, лет так на вид тридцати пяти, в самом соку. Еще драть да драть такую даму. А чего она одна, спрашивается, в кабаке сидит? И винище трескает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.